

ХРОНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ

Детям моим посвящается

«Там на ужин били склянки ...»

Как черт из табакерки, слова неожиданно выскакивают из богом забытых уголков памяти и, на целых две недели, по хозяйски поселяются у меня в голове. Различные фрагменты, этого давно забытого стихотворения Юнны Мориц, нарушают моё спокойствие. Здесь, на другом конце света, в самой гуще шумного восточного рынка, непривычного разнообразия лиц, пряных запахов диковинных яств, «Ордынка, Полянка» отдают постным диетическим супом... Воистину, мой мозг играет со мной в странные игры. Мне столько надо увидеть, понять, обдумать, да просто запечатлеть на плёнку, а в голове так и скачет: «Я почти посерединке жизни собственной стояла...» «Я снаружи и с изнанки ткань судьбы перебирала...», «Это было на стоянке, Душу ветром пробирало...»

Чем-чем, а ветром здесь душу не освежишь... Тридцать с лишним градусов, как минимум восемьдесят процентов влажности и бесконечные торговые ряды... Конец января, самый центр Бангкока, Таиланд.

«Ничего не было, ничего не будет, всё есть...»

Вместо вступления

НЕ люблю перечитывать книги, особенно любимые... Боюсь потерять ощущение открытия, откровения, созвучности, того что поразило меня когда-то и навсегда вплелось в ткань моей судьбы... Боюсь разочароваться, наслоить новое, сегодняшнее... Я захожу в свою библиотеку, как приходят к самым близким и задушевному друзьям. Скольжу взглядом по полкам, перечитываю заглавия, имена авторов. Иногда, книга зовёт меня, и тогда я достаю её с полки, кладу на раскрытую ладонь левой руки, прикрываю правой и закрываю глаза...

Нам предстояла поездка в Таиланд. Моя первая поездка в буддийскую страну. Я не искала ни новой веры, ни, тем более, религии, но мне очень хотелось понять, в чем привлекательность буддизма, особенно для западного человека. Среди моих друзей и знакомых многие не на шутку увлечены им. Есть те, кто называют это Учением, другие размышляют о Вере, а большинство говорят о Пути. Поездка в Таиланд, думала я, удачный повод во всем разобраться – хотя бы начать. Для меня любое изучение, постижение и путешествие начинается с книги, так я и оказалась перед полками своей библиотеки.

«Сиддхартха» Германа Гессе - первое, что попало мне на глаза. Сколько лет прошло с тех пор как я впервые познакомилась с этим автором? Гессе стал для меня настоящим открытием. «Степной волк» по сей день я воспринимаю как своё Альтер-эго, но мое первое знакомство с Германом Гессе было как раз с «Сиддхартха». Я помню своё удивление, восторг, даже оцепенение после прочтения, но...

Книга лежит у меня на руке. «Ничего не было, ничего не будет, всё есть...» Ощущение покоя, тепла, но сколько ни напрягаю память не могу вспомнить её содержание... Такого со мной ещё не было...

Начинаю читать. Где-то на середине первой страницы, я вдруг понимаю, что помню следующую страницу почти наизусть, а дальше провал... Читаю вторую страницу, убеждаясь, что и в правду помню на ней каждую фразу, а перед глазами уже возникает третья страница... Так я и продолжаю читать: глазами одну страницу, памятью следующую, но ни строчкой

дальше. Странная мысль начинает беспокоить меня... Что было раньше? Встреча с книгой, которая так повлияла на меня, или, уже тогда, в первый раз, всё было так созвучно, неоспоримо? Может быть поэтому я не помню её содержания? Может быть, в те далекие времена, эта было для меня просто встреча с очевидным, а не открытие?

Книга, страница за страницей, увлекает меня все глубже: сначала глазами, потом памятью, потом опять глазами. Вчитываюсь, вдумываюсь...

«Разве не был в нём Атман, разве не было в его собственном сердце первоисточника? Его-то и нужно найти – первоисточник в собственном Я, его-то и нужно постичь! Все же прочее – суета, окольные пути, заблуждение. Таковы были мысли Сиддхартхи, таковы были причины его страданий, его неутолимой жажды.»

«Многое заключено в учении просветленного Будды, многих учит он праведно жить, избегать зла. Одного лишь не содержит столь ясное, столь достойное учение: оно не содержит тайны того, что пережил сам Возвышенный - один среди сотен тысяч. Вот то, о чем я думал, что я понял, когда слушал твое учение. Вот почему я продолжу мои странствия - не для того, чтобы искать другое, лучшее учение, ибо я знаю: такого нет, - а для того, чтобы, покинув все учения и всех учителей, самому достичь своей цели или умереть.»

«Не мне определять пути чужих судеб. Только за себя, за себя одного, я должен решать, должен выбирать, должен отвергать.»

«Что же это такое, что хотел ты найти в учении, узнать у учителей. Чему они, столь многому научившие тебя, все же не смогли тебя научить?» И он нашел: "Мое „я" - вот то таинственное, смысл, суть которого я хотел понять. Мое „я" - вот от чего я хотел освободиться, что я хотел преодолеть. Но преодолеть его я не мог, я мог лишь обманывать его, мог лишь убежать от него, прятаться от него. Поистине ничто в мире не занимало так сильно мои мысли, как это мое „я", эта загадка того, что я живу, что я существую самостоятельно и от всех других отделен и обособлен, что я - Сиддхартха! И нет ничего в мире, о чем я знал бы меньше, чем о себе, о Сиддхартхе!»

Возможно ли, что все эти годы, я жила теми же стремлениями, переживаниями, сомнениями, так и не вспомнив об этой книге?

По легенде, семь шагов сделал новорожденный Будда и в книге один за другим сменяются семь ипостасей Сиддхартхи: благородный Брахман, Саман-аскет, смиренный Монах, искушенный в искусстве любви Возлюбленный, богатый Торговец, Отец и, наконец перевозчик по реке, внимающий её мудрости. Этапы познания себя, познания жизни, с полной отдачей во всем, что проживаешь, чувствуешь... до того магического момента, когда вдруг понимаешь, что тема исчерпана, все стало на свои места и пришло время двигаться дальше.

Из всех ипостасей только одна показалась мне незнакомой. Моя память не забегала вперед, и я читала эту часть книги, как будто, впервые. Сиддхартха-отец, страдающий, отринутый, впервые соприкоснувшийся с миром тех людей, которые казались ему подобными детям, с их страстями, радостями и горестями. Всему своё время... Сегодня мне это понятно и близко, а тогда... эта часть книги прошла мимо меня...

Мой вечный вопрос: «Книга читает нас или мы – книгу?»

Я перевернула последнюю страницу, и идея поездки в Таиланд показалась мне наполненной иным, глубинным смыслом.

Над облаками

— Дорогой, если вздумаешь психовать, делай это, пожалуйста, с улыбкой, не повышая голоса и не размахивая руками. Это очень важно!

Муж, с трудом оторвавшись от персонального телевизионного экрана, смотрит на меня с удивлением: «Ты о чем?»

— Я о Таиланде – стране улыбок! Тут такого не любят!

Рассеянная улыбка в мою сторону, и он опять погружается в фильм, а я продолжаю чтение: *«Буддизм, который исповедуют большинство многомиллионного населения Тайланда, глубоко интегрирован в тайскую культуру и повседневный этикет. Тайцы искренне верят, что любое дело должно обязательно приносить радость, иначе за него не стоит и браться. Терпимость, вежливость, скромность и добродушие – вот главные положительные качества, отличающие жителей «страны улыбок»... В Таиланде считается крайне неприлично повышать голос в попытке оказать давление на кого-либо — простая улыбка поможет в трудной ситуации гораздо больше».*

«...страна необычайной красоты. Вокруг расстилалась зелёная лужайка; по краям её росли деревья со спелыми сочными плодами; на полянках виднелись клумбы красивых розовых, белых и голубых цветов. В воздухе порхали крошечные птицы, сверкавшие своим ярким оперением. На ветках деревьев сидели золотисто-зелёные и красногрудые попугаи и кричали высокими странными голосами. Невдалеке журчал прозрачный поток; в воде резвились серебристые рыбки.

... из-за деревьев появились самые забавные и милые человечки, каких только можно вообразить. Мужчины, одетые в голубые бархатные кафтаны и узкие панталоны; на ногах у них блестели голубые ботфорты с отворотами... остроконечные шляпы: их верхушки украшали хрустальные шарики, а под широкими полями нежно звенели маленькие бубенчики.

Вдали, за плодовыми деревьями, виднелась целая толпа маленьких мужчин и женщин, они стояли, перешёптываясь и переглядываясь, но не решались подойти поближе.

...эти робкие маленькие люди приветливо и несколько боязливо

улыбались, челюсти маленьких мужчин беспрестанно двигались, как будто что-то пережёвывая.»

Кажется, я задремала и в голове всплыли совсем иные образы... Волшебник Изумрудного города, домик Элли, упавший на страну милых, улыбочивых человечков-жевунов... Невольное Путешествие, в конце которого все станет на свои места...

Окончательно просыпаюсь, поскольку наш комфортабельный лайнер, без всяких бурь и ураганов, спускается на «страну необычайной красоты», на «страну улыбок».

Через двенадцать часов марафона фильмом, регулярной еды и периодического погружения в дремоту, мы оказываемся в вечернем Бангкоке.

Наша гостиница – самое высокое здание столицы (входит в обязательную программу посещения города), а вокруг нее — бесконечные торговые ряды. «Зеленых лужаек» здесь явно нет, а все больше камень, стекло, незнакомые запахи, обилие уличной еды. Небо отделено от земли хаотическим переплетением электрических проводов, с хаосом которых может поспорить только движение всевозможного транспорта на проезжей части, да и вне её. Мы передвигаемся в сплошном потоке людей и, куда не кинь взгляд, до самого горизонта — торговые ряды... Для меня это серьёзное испытание, но «охота пуще неволи» и, мы вливаемся в этот поток, широко открыв глаза. Экзотика!

Ускоренный курс обучения для лохов

Утром мы отправляемся к главной достопримечательности Бангкока, к Большому Королевскому дворцу.

Как утверждают бывалые туристы, тук-тук это наиболее удобное средство для передвижения в городе. Поторговавшись для проформы, мы взбираемся на один из таких тук-туков и отправляемся в путь. Правила движения, всякие там сплошные линии, дорожные знаки, правила обгона и прочие западные выкрутасы – здесь, это скорее рекомендации, о смысле которых местные водители, всех без исключения видов транспорта, просто не догадываются. Едут лихо, но, в следствие этого, вынужденно внимательно. С ветерком, несмотря на 34-х градусную жару и 80% влажность, и с достаточных выбросом адреналина, мы прибываем в исторический центр города и направляемся к королевскому дворцу. Идти нам недолго, но около нас все время останавливаются тук-туки и, многозначительно указывая на шорты мужа, о чем-то нас предупреждают и что-то предлагают. — Спасибо – отвечаем мы вежливо с улыбкой и продолжаем свой путь.

Мы уже почти поравнялись с туристическим агентством, у входа в дворцовый комплекс, и тут перед нами возникает милый человек, без «бархатного кафтана» и «хрустальных бубенчиков» на шляпе, ну очень милый.

— Сэр, вы направляетесь во Дворец? Мне так жаль, но в этих штанах вас просто туда не пустят... Дааа... Вы наверно первый раз у нас в стране? Это часто так бывает. С трех часов пропускают всех, а до этого времени, в ваших штанах – никак. Вот так, вот так... правило такое. Вы наверно издалека ехали? Из какой гостиницы? Далековато... И сколько вы уплатили за тук-тук? 200 батов??? Будьте осторожны! У нас так любят дурить туристов. Дааа, вот так... У нас здесь целая часовая экскурсия стоит 100 батов и не монетой больше. Дааа, вот так... а во Дворец сейчас вас не пустят... Дааа....

— Может покататься до трех часов? – близость туристической агентства, которое, к слову сказать, закрыто, тот факт, что нам ничего конкретно не навязывают, усыпляет нашу бдительность. Мы расслабились в этой «стране улыбок», где все решается вежливой улыбкой.

— Куда вы нам посоветуете отправиться до трёх? – спрашивают два новоявленных Буратино из страны дураков.

— Ну если хотите, мы можем вам предложить – тут он деловито достает карту и перечисляет всевозможные достопримечательности, отмечая их карандашом – такой вот маршрут плюс круиз по реке...

— Сколько это нам будет стоить? – осведомляемся мы.

— Как я и говорил – 100 батов, все по-честному. В вашем распоряжении тук-тук с водителем, который вас отвезет по всем этим местам и будет ждать, пока вы будете их осматривать.

— Сколько времени это должно занять?

— Столько, сколько понадобится для полного удовлетворения вашего интереса. Ваш водитель будет вас ждать ровно столько, сколько вы захотите! Дааа...

Мы переглядываемся друг с другом: в Европе – это сто процентное надувательство, но здесь... кто его знает? Где наши 100 батов не пропадали? Да и времени до трех предостаточно... В чем же подвох?

Как по мановению волшебной палочки, перед нами возникает тук-тук, с широко улыбающимся водителем, по имени Джо.

— Ты смотри, — строго говорит ему наш Ангел-хранитель – я установил цену 100 батов, ни цента больше! Обслужить по высшему классу!

Обворожительная улыбка в нашу сторону: «Приятной вам поездки, господа!»

— Всё-таки в чем же подвох? – гадаем мы, а вокруг радостные, белолицые туристы, бесстрашно взбираются один за другим на разношерстные тук-

туки и, мы, устыдившись своей подозрительности (ох уж эти западные комплексы!), опять впадаем в эйфорию!

Итак, нас привозят в первый, по крайней мере в моей жизни, Буддийский храм. Несмотря на многолюдность прилегающих улиц, да и всего Бангкока, здесь мы почти одни, не считая одного служителя, да двух-трёх преклоненных фигур внутри храма. Невероятная тишина, нарушается только звуком наших шагов по изящно вымощенному внутреннему пространству вокруг двух основных зданий. Я с любопытством разглядываю кладку многоступенчатых крыш, настенную мозаику, изящные арки... Сняв обувь, мы входим во внутрь и приятная прохлада, в купе с богатым убранством храма, приводит нас в благоговейный трепет... Никаких сомнений, никаких подозрений... одна благодать! А то, что посреди присущего этому городу столпотворения, мы совсем одни, нас просто убеждает в том, что нам предложен Эксклюзив! Почему нет?

— Как вам наш Храм? — обращается к нам худощавый служащий.

— Это наш первый Храм в Бангкоке, и мы уже очарованы — охотно вступаем мы в беседу.

— О, вам ещё столько предстоит увидеть!!! — он широко раскрывает руки, как будто желая охватить всё то необъятное, что нам предстоит постичь. Воистину, мир улыбок, доброжелательности и благодати...

— А знаете какой основной камень в Таиланде? — вдруг задает он нам вопрос и дотрагивается рукой до одного из камней мозаики. — Это особый камень! Он приносит счастье и благосостояние в дом. В нашей культуре мужчина заботится о своей женщине, о том, чтобы она ни в чем никогда не нуждалась, ни при его жизни, ни после смерти...Деньги с годами обесцениваются, а драгоценные камни — всегда в цене. У нас они стоят дешево, а вот на Западе или в Америке они, как минимум в три-четыре раза дороже. Я каждый год покупаю своей жене украшения из этого камня на 300 долларов, так я ей показываю, что я никогда не забываю о её благе и будущем. Я-то что? Тут есть один американец — богатый неимоверно, так он каждый год на сто тысяч закупает камни и говорит, что в Америке они стоят в шесть раз дороже! Ну очень богатый! А всё это для любимой женщины...

Меня немного настораживает меркантильный поворот монолога, но место и время расслабляет, и я подыгрываю: «Святые слова» — говорю я, кокетливо глядя на мужа и на служителя — «Дорогой, ты видишь, как нужно заботиться о жене? Мудрый Восток!»

Мы, с искренним дружелюбием, прощаемся с нашим очередным Ангелом-просветителем и выходим наружу.

Ангел-перевозчик по имени Джо, терпеливо ждет нас у выхода.

— Вам понравилось? — осведомляется он и, получив наше одобрение, приглашает продолжить наше эксклюзивное путешествие.

Мы крутим головами, следим за дорогой, отмечаем обилие изображений короля на всех углах, а тем временем наш тук-тук останавливается прямо перед огромными стеклянными дверьми. Мы не успеваем ещё сообразить, что происходит и где мы находимся, как в проёме раскрывшихся дверей появляются сразу три одетых в престижную униформу работника, радушно предлагая нам проследовать за ними во внутрь. Тут же, почти произвольно, мы протягиваем руки и каждый получает по стакану прохладной воды.

Туман в моей голове начинает рассеиваться и, я делаю первую попытку: «Родной, нас привезли на ювелирную биржу, а нам это не нужно.»

Ответа я уже не слышу, так как нас окружают со всех сторон представители биржи, а верный Джо, всем своим недужим телом, перекрывает пути к отступлению.

Нас, почти «под локотки» ведут к прилавкам с золотом, бриллиантами и этим самым, таким таиландским камнем.

— Простите, но я не люблю золото. Мне жалко вашего времени. — говорю я с улыбкой, заметив, что выставочный зал поделен на золотой и серебряный отделы. В голове я подсчитываю, как этим можно сократить время нашего визита здесь, а заодно демонстрирую свои бедуйские серебряные кольца, намекая, что меньшего размера я не принимаю. Они вежливо улыбаются и начинают нанизывать мне на пальцы всевозможные

кольца из серебра, пользуясь тем, что обе руки у меня заняты. Ситуация становится все более и более комичной. В одной руке я держу фотоаппарат, в другой – стакан с водой, пальцы обвешаны кольцами, которые я даже не могу снять самостоятельно! Стеклянные витрины не оставляют места для моего аппарата, да и дно стакана, со стекающими каплями от перепада температур, не очень хочется ставить на эти идеальные поверхности. Каждый раз я прошу мужа подержать то стакан, то фотоаппарат и снимаю очередные кольца, но на их месте, неизменно, появляются новые. Все это сопровождается настойчивым рефреном, о том, как важно мужчине заботиться о жене, как это повышает самооценку как одного, так и другого...

— Ты бы хотела? – спрашивает меня муж. Меня это начинает забавлять: «Не напрягайся! Я непременно освобожу тебя от груза некой суммы нашей скудной наличности, но ни здесь и ни этим. Ты ведь знаешь, что я не люблю блестящее, золотое и безличное, а главное дорогое. Не повезло тебе, любимый! Придется тебе доказывать свою любовь и заботы иным путём.»

Окружающие не понимают нашей шуточной перепалки и, сбитые с толку, обоюдными улыбками, усиливают натиск. Тут я вспоминаю, что ближе всего к входу, он же выход, был прилавок с жемчугом.

— Пожалуй, колец у меня и так много. Я видела в самом начале зала жемчуг. Можем мы пройти туда? – предлагаю я.

Почетный эскорт, в полном составе, следует за нами по направлению к выходу. Оказывается, наш покорный слуга – просто эксперт по жемчугу! Такого поворота я не ожидала. Прилавок заполняется нитками жемчуга всех цветов и размеров, всё это сопровождается историями, замечаниями, объяснениями. Если отбросить напряженное ожидание столь желаемой сделки-покупки, это даже интересно и мило.

— Ты бы хотела? – опять вопрошает мой муж, сбитый с толку моим вежливым долготерпением.

И тут меня как черт попутал!

— К сожалению, что-то похожее у меня уже есть — говорю я — Впрочем, если у вас есть что-то, поистине эксклюзивное, я готова взглянуть.

Окрыленный торговец, знаток жемчуга, смотрит на меня с обожанием. — Есть! — говорит он — хранил для ценителя!

Он, с благоговением, достает из сейфа огромную желтую жемчужину... Я же понимаю, что сама загнала себя в ловушку. Мы все втроем дружно охаем и ахаем, восхваляя столь редкий дар природы и...

— Согласитесь, такое чудо достойно самого благородного обрамления? — изрекаю я, завидев свет в конце туннеля — дорогу на выход.

— Как приятно иметь дело с понимающими людьми — склоняется в почтительном поклоне знаток жемчуга — мне нужно всего два часа и, вы получите настоящее произведение искусств, всего два часа.

— Невероятно, — оттягиваю я запланированный шах и мат.

— Согласитесь, такой экземпляр нуждается только в золотой оправе? — размышляю я вслух.

— Как же Вы правы, госпожа — еще один поклон в мою сторону.

— Как жаль, но я, правда, не люблю золото!

Наверно такое выражение лица бывает у рыбака, когда огромная рыба срывается в последний момент с крючка. Мне становится его жалко... В наступившей тишине, я вспоминаю о спасительной улыбке...

— Мы здесь еще несколько дней, а ваши предложения так соблазнительны... Позвольте нам все обдумать, посчитать наши финансы и, возможно, мы вернемся.

На этой точке мы стремительно идем к выходу, в спешке, не успевая стереть улыбку с лиц.

— Ну что? Купили? — радостно встречает нас Джо в дверях.

Наше доверие подорвано и, тщательно подчистив остатки улыбки, я спрашиваю: «куда мы направляемся сейчас?»

— На фабрику одежды. Очень хорошие вещи и недорого!!!- улыбается он.

— Мы не хотим. Нам обещали поездку по достопримечательностям города, а не шоппинг.

Улыбка сходит с лица Джо. Он обескуражен. – Там очень дешево! Вам понравится!

Но мы стоим на своём, да ещё просим огласить дальнейшую программу. Как выясняется таковой в общем-то нет. Теперь все становится на места и остается выяснить, какие у нас опции.

Остается еще прогулка по реке. Джо оживляется и, мы отправляемся в путь. Наш возничий опять включает обворожительную улыбку и обращается к нам со следующей речью:

— Я вас отвезу на причал и там посажу на лодку. Моя миссия на этом закончится, а за лодку вы должны будете расплачиваться с хозяином лодки. Вы не волнуйтесь. Я договорюсь о двадцати процентах скидки, как для наших клиентов. Вы дадите мне деньги и, я с ним договорюсь.

— Сколько это будет стоить? – спрашиваем мы

— Я могу сделать и тридцать процентов, а может даже и сорок процентов скидки – продолжает бормотать он.

На наш вопрос о конечной цене, да и любой другой цене, мы ответа не получаем.

Наконец, через какие-то очень сомнительные переулки нас подвозят к месту, с которого видна вдалеке река. Не успеваю я сообразить, как мой муж даёт 100 батов Джо и, мы оказываемся лицом к лицу с очень сомнительной личностью, который суёт нам под нос грязный обрывок какой-то картонки. Здесь, в столбик, 1200 и ещё 1200. Это его цена за лодку. Час плавания. 2400 батов на двоих.

— Хочешь поторговаться? – спрашивает муж.

— Хочу понять, что мы за это получаем – говорю я, без всякой улыбки.

— Мы заплываем в Храмы?

— Нет.

— Мы попадаем на плавучий рынок?

— Нет, рынок за городом. Можно попросить каких-нибудь торговцев подплыть к вам, если вы хотите.

— Нам будут объяснять, где мы проплываем?

— Нет.

Хоть честный попался. Но нам это уже не интересно и в чем был подвох — яснее ясного. Пора возвращаться на исходную точку.

Нас неудачливый водила все ещё ждет развязки.

— Отвезите нас, пожалуйста туда, откуда вы нас взяли – обращаюсь я к нему.

Не повернув головы, не скрывая досады, он цедит сквозь зубы – 100 батов.

— Я думаю, мы воспользуемся другим транспортом – отвечаю я, и мы идем прочь, а за нашей спиной, хозяин лодки продолжает предлагать свои услуги за все более привлекательные цены. Последнее, что мы слышим – это 200 батов на двоих. Согласитесь, разница существенная: 2400 против 200!

Знание – это великая сила! Теперь мы знаем, в чем заключался трюк. К нашему удовлетворению, мы умудрились сами оставить с носом тех, кто пытался нас одурачить. Наши потери, а правильнее, цена за урок составила всего 100 батов.

Жизнь прекрасна и удивительна! Мы останавливаем первый попавшийся тук-тук и доезжаем до Королевского дворца. Становимся в очередь и уже почти заходим на территорию комплекса, как нас останавливают, указывая на недостаточно длинные брюки мужа.

— Через дорогу, в лавке, можно купить шаровары за 110 батов. Все так делают. — советуют нам, окружающие нас туристы. Большинство из них в таких вот шароварах и это даже красиво.

Мы переходим через дорогу, покупаем мужу тайские штаны и, просвещенные, вступаем в королевские владения, но это уже другой, следующий рассказ.

Наш первый вывод, отныне, гласит следующее: То, что пахнет обманом и выглядит обманом, вероятнее всего, обманом и является. В оригинале, эта фраза звучит несколько иначе, но мы ведь воспитанные люди и, в конечном итоге, это было так мило... Запад, Восток – подвох, он и в Африке, подвох. Образ мышления тут ни причем!

СПРАВКА: Один евро — это 40 батов. Десять – соответственно 400. 100 батов, фигурирующие в рассказе – это, с трудом, 2,5 евро. Дело не в деньгах, а исключительно в принципе. Но согласитесь, лечение от буратинизма за 2,5 евро – это очень дешево. Правду говорят, что в Таиланде все дешево...

Первые вопросы

«Проявление и звук возникают из тонких умственных отпечатков, созданных мыслями. Подобно рисункам на воде, что растворяются сами собой, иллюзорные объекты просто исчезают, когда осознаешь их нереальность: вне истинной природы они не существуют.»

Кармапа XVI

Рангджунг Ригпе Дордже

Наш урок не прошел даром, по крайней мере, для меня. С этого момента, я решила не пренебрегать ни своими ощущениями, ни опытом, ни интуицией. Это вовсе не значит, что я стала принимать только знакомое и отрицать непривычное. Скорее наоборот, внимательно прислушиваясь к себе и максимально задействовав все органы чувств, я острее воспринимала окружающее. Я стала внимательней.

Королевский дворцовый комплекс поражает своим великолепием. Разнообразие форм, буйство красок, ослепительный блеск золотых стен и куполов, мозаичные колонны — сказочный мир! Обилие причудливых персонажей только усиливает это ощущение. Кого тут только нет? Грозные великаны охраняют просторы замка, диковинные персонажи тайской мифологии, с утонченным изяществом, приглашают вас посетить, охраняемые ими дворцы. Очаровательные каменные зверюшки и застывшие странники, расположившись под тенью причудливых деревьев, или в густой растительности газонов, с любопытством разглядывают многочисленных посетителей. Яркие, эмоциональные росписи на стенах, добавляют в этот волшебный мир неисчислимое количество персонажей и историй. Дворец живет своей жизнью. Ощущение праздника, сказки.

На территории комплекса находится Храм Изумрудного Будды – одного из наиболее важных изображений Будды, если не самого важного.

Многоликая толпа, организовано направляется по направлению к Храму, дружно снимает обувь и проходит во внутрь. Фотографировать здесь запрещено и посетители, те которые не преклоняют колена, медленно двигается по периметру, а затем останавливаются перед далекой изумрудной фигуркой Будды, расположенной на высоте, под самым куполом.

Именно здесь, в этом, столь «намоленном» и священном для этой страны месте, у меня начинают появляться первые вопросы. Возможно, для посвященных и просвещённых они покажутся глупыми, кто-то заподозрит в них святотатство и непочтение... Мало ли в чем мы порой подразумеваем других... Но в культуре и традиции, к которым принадлежу я, умение задавать вопросы – это путь к познанию. А я хочу знать!

Первое, что сразу смущает мой покой – это именно «намоленность» места. Если буддизм не является религией, как таковой, то есть не признает наличия Бога или все определяющей всевышней силы, то перед кем склоняются в молитве, пришедшие в Храм? Если это Путь, по которому каждый должен пройти сам, достигнув максимальной степени просветлённости, воссоединения с Целым, каков смысл поклонения?

И ещё одна, совсем уже чудная мысль, приходит мне в голову, когда я смотрю на коленапреклоненных и расprostертых ниц молящихся: из всех известных мне современных религий, только в Иудаизме не преклоняют колени перед Богом. Но ведь Буддизм не религия... по крайней мере, не в том понятие религии, которое знакомо мне...

Мы выходим наружу, обуваемся и продолжаем наше путешествие. «Жизнь замечательна и удивительна» — твержу я, полюбившуюся мне когда-то фразу – «Главное все замечать и удивляться!».

Для моего мужа это не первое посещение Бангкока. Он уже был здесь много лет тому назад. Дворцовый комплекс и бесконечные торговые ряды, это все что осталось у него в памяти, после той деловой поездки. Мой энтузиазм он воспринимает, мягко говоря, скептически. Поездка в Таиланд это его подарок мне, по моей просьбе. Его раздражает жара, влажность, толпа и глыбы золота в архитектуре и скульптурах. Длинные шаровары, поневоле натянутые на шорты, явно не улучшают его настроение. Вот я и пытаюсь разрядить обстановку, дурачась и повторяя эту гениальную фразу: «Главное все замечать и удивляться!»

Небольшое кафе, прямо на выходе из Королевского дворца, да жара и влажность на улице, напоминают нам о насущных потребностях, и мы заходим освежиться. Персонал кафе определить очень просто: они все одеты в униформу, подозрительно похожую на военную. Это ощущение подкрепляется и знаками отличия на ней, и даже орденами и медалями. На стенах кафе – множество портретов правящего короля. Эти атрибуты

власти, присутствующие в западном мире обычно в государственных или военных учреждениях, вызывают мое любопытство. Картины, увиденного за полтора дня нашего пребывания в стране, начинают прокручиваться у меня в голове. Я вспоминаю, что униформы присутствуют почти всюду, исключение: водители тук-туков и рыночные торговцы. Служащие на территории дворца, храмов, работники кафе, ресторанов, общественных туалетов, уборщики на улицах, билетёры... все одеты в военного вида униформу, с знаками отличия. И портреты... На протяжении всего нашего пути как пешком, так и на транспорте, нас сопровождают портреты короля. В любом кафе, магазине, храме, через каждые 500 метров на трассах, всюду... Западному человеку более привычны статуи или немногочисленные официальные портреты, а здесь... Король ещё совсем ребенком, король в школе, на лодке, с фотоаппаратом, король целует королеву, играет с сыном, отдыхает, работает, путешествует... Для бывшего гражданина «социалистического рая», это обилие образов правителя, может показаться подозрительным и вызвать невольные ассоциации. Обилие – пугает, а сами изображения – наоборот, вызывают симпатию. Культ личности наоборот? Может это и возможно, искренне любить правителя? Если характер народа определяется его вероисповеданием, то ответ, наверно, должен быть в Буддизме?

Побродив немного в окрестностях Дворца, мы направляемся к Храму Лежащего Будды, предварительно получив необходимую информацию в туристическом агентстве. Только потом мы понимаем, как важна была достоверность этой информации.

Идти нам не долго, не больше трёх километров, но нас все время останавливают.

- Куда вы направляетесь?
- Спасибо, мы доберемся.
- Так куда вам?
- В Храм Лежащего Будды, но мы доберемся. Спасибо.
- Это очень далеко...
- Не страшно, мы любим ходить пешком.
- И он уже давно закрыт. В 3:30 все закрыто. Вам нужно прийти завтра. Сегодня могу вам предложить поездку по другим храмам города. Всего за 100 батов! Жалко в такую жару идти пешком. Там закрыто.
- Как жаль, но мы уже ученые... — мы благодущны, мы улыбаемся.

- Что значит? – недоумение у очередного благодетеля.
- Нас уже «поимели» утром – терпеливо объясняем мы.

Широченная улыбка на лице, сложенные вместе ладони, большие пальцы под подбородком и легкий поклон. Наша быстрая обучаемость вызывает у него явное уважение и мы продолжаем свой путь.

И таких диалогов – не меньше четырех на этой короткой дистанции. Я понимаю водителей тук-туков, но что имела в виду, преклонных лет женщина, которая пыталась нас убедить, что Храм уже давно закрыт и нам надо пойти в ближайший парк? Подумать страшно!

В Бангкоке у нас постоянное ощущение, что мы «легкая добыча» и нас все пытаются обхитрить. Нас это забавляет. Кто кого? Надолго ли?

Огромный золотой Будда, с трудом помещается в отведенном ему пространстве. Правая рука подпирает массивную голову, левая вытянута вдоль тела, а само тело простирается метров на 40 и заканчивается массивными ступнями с перламутровыми миниатюрами.

Сдавленные людским потоком, мы медленно огибаем мощную фигуру сначала спереди, а потом сзади. Холодный отлив сусального золота, бесстрастный взгляд, неподвижность...

— Это просто глыба золота! — слышу я раздраженный голос мужа — Ни тонкой работы, ни изящества, только золото!

Чисто по инерции, пытаюсь парировать, но вдруг понимаю, что чувствую то же самое: теснота, избыточность. Обилие золота мешает мне, упрощает идею, делает её слишком явной...

Но, о Дивный мир, снаружи! Как и в Дворцовом комплексе, всё вокруг Храма наполнено жизнью, в бронзе, в камне, в цветении деревьев, в причудливости крыш, керамических мозаик. Вот оно, и изящество, и тонкая искусная работа, и юмор, и потешная строгость. Гибкие йоги из бронзы демонстрируют своё мастерство, всматриваются куда-то в небо, улыбаясь чему-то доступному только им. Каменные странники бредут в островках зелени, лукаво поглядывая на посетителей, и подсмеиваясь друг над другом. У меня все время ощущение игры, сказки, ребячества, но ни как не святости. Какие-то скульптуры мне кажутся образами из «Алисы в стране чудес», буйство орнаментов напоминает Гауди, а ещё Ахенский собор, Византию... Я — Турист, тщетно пытающийся проникнуться Духом места, хватающийся за знакомые образы.

Не получается... Греют только эти забавные фигурки. Я ёрничаю, шутливо пытаюсь повторить их позы.

— Смотри, как я «выёгиваюсь» — говорю я мужу, встав в очередную позу — фотографируй!

Он покорно щелкает фотоаппаратом.

— Тебе совсем не интересно?

— Я уже тут был... не моё это.

Солнце постепенно заходит. Посетителей становится все меньше и, в какой-то момент, мы вдруг понимаем, что остались почти одни. Всё погружается в сумерки и наступает непривычная тишина.

Мы садимся на одну из скамеек и застываем, зачарованные... Воздух наполняется ароматом цветущих деревьев, причудливые силуэты зданий постепенно сливаются с небом, а золото многочисленных Будд, сидящих в позе Лотоса, теплеет, приобретая розоватый оттенок.

Протяжное «АУМ» доносится издалека. Под большим навесом, в несколько рядов сидят люди в белых одеждах. Перед ними – два монаха в оранжевом. «АУМ» — звук вибрирует и расширяется на все пространство вокруг Храма. Вечер стирает все цвета, тушит буйство красок. Остаётся только море белого, два проблеска оранжевого и все оттенки темного.

И тогда Будда, заточенный в тесном пространстве, с неподъемностью его огромного тела, с рукой, немеющей под тяжестью головы, с устремленным в некуда взглядом, начинает оживать в моём сознании, переполняя его... парализуя... и беря в плен...

-6-

Лирическое отступление о шопинге (за несколько месяцев до самого путешествия)

«Мы сами создаём и своих друзей и врагов, но в процессе забываем об этом. Из-за того, что нам недостаёт осознанности, наши творения превращаются в нечто осязаемое и реальное, и мы запутываемся ещё больше. Если же вы в полной мере поймете, и не только умом, что всё – лишь ваше творение, вы освободитесь.»

«Люба любит шопинг» — от этого безобидного замечания, брошенного моим новоиспеченным зятем, мне становится, не на шутку, плохо. Как будто кто-то со всего маху ударил под дых. Я чувствую как переламываюсь пополам, судорожно хватаю воздух, не могу вздохнуть, теряю равновесие.

— Это неправда! — кричу я, но мой голос проваливается в бездну, а перед глазами — темнота.

— Это неправда! Я ненавижу шопинг! Это унижительно, глупо, недостойно! Это не для меня! Не моё! Я не такая!

Сердце сейчас выскочит из груди. Останавливаюсь.

— Мама, что с тобой? Тебе нехорошо? — дочка с зятем смотрят на меня с беспокойством — Ты в порядке, мама?

— Я не люблю шопинг, это неправда...- начинаю я, пытаюсь удержать равновесие — Я это делаю ради вас.

— А по-моему, любишь, и что в этом плохого? — добродушно улыбается мой сын в законе.

— Мама, правда, что тебя так задело? Мы все любим шопинг — это у нас семейное. Что не так?

Я понимаю, что не смогу сейчас ничего объяснить. Мы торопимся на спектакль. Дочка с её мужем всегда превращают моё пребывание у них в Лондоне в настоящий праздник: новые выставки, спектакли, хорошие рестораны, прогулки. Откуда вдруг такая резкая боль, обида... унижение? Как будто меня поймали на чем-то постыдном, пошлом...

Всю дорогу обратно, благодарность за замечательный приём, за ощущение любви и заботы, перемежается с, клокочущей в горле, обидой. Это не правда — я не такая!

Два часа в поезде. Откуда берется это состояние стыда, горечи? Ведь ни само же слово «шопинг» вызывает у меня такую бурю чувств? Если я хочу объяснить детям, что так задевает меня в этой фразе, я в первую очередь, должна понять это сама.

Я медлю... страшусь... Нехотя начинает раскручиваться колесо Памяти. Что я там найду? Папино насмешливое «вечные ваши шмоточки!», каждый

раз когда мы покупаем что-то не совсем духовное. Сам папа вполне любил покупки, но при этом пытался, сарказмом и иронией, принизить их значимость в своей жизни. Может это оттуда? А может вечная нехватка денег заставляет меня и сейчас ощущать себя преступницей, тратящей их бесцельно? Правда это не мешает мне заполнять до отказа свой шифоньер, да и дом всевозможными безделушками... Много лет тому назад, моя близкая подруга, услышав мои жалобы на напряженную атмосферу в семье и моё растущее недовольство происходящим, завела меня в дорогой (по тогдашним моим средствам) магазин одежды. «Померь!» – скомандовала она. Чисто из любопытства, я одела свитер. «Теперь, брюки и сапоги» – продолжила она, протягивая перечисленное. Отражение в зеркале мне понравился, но я, со вздохом сожаления, была готова вернуть всё это обратно на полки. «Покупай!» – последовал безапелляционный приказ, и я рассмеялась: «Ты с ума сошла! Я тебе только что объясняла, что у нас аховое положение с деньгами, минус зашкаливает, и я не знаю, как вылезти из этой ситуации, а ты предлагаешь её ухудшить?» «Я предлагаю, улучшить! Положись на меня!» — уламывала меня подруга и, до сих пор не понимаю как, но уломала. Я даже прибавила к этому дорожный халат. Наверно, под наркозом... Тогда я тоже чувствовала себя преступницей. По мере приближения к дому, мой ужас перед совершённым разрастался до вселенских масштабов, но, как это не парадоксально, моя нежность и жалость к мужу росли параллельно. Мы оба с ним были в шоке, но моё чувство вины, смягчило мою обиду на него, а его прозрение, перед моим «отчаянным» поступком, заставило задуматься и, видимо тоже, пересмотреть ситуацию. Нам полегчало. Память бросает меня из стороны в сторону, но, вряд ли, в этом примере лежит корень зла.

Как из шляпы фокусника, я вытягиваю одну историю за другой, грустные, смешные, нелепые... Ответ я знаю, с самого начала, и страх перед ним, заставляет меня убегать в воспоминания...

*«Мне стоило лишь пожелать
И духов зла явилась рать.»*

Книга Рея Брэдбери, названием которой послужила фраза из шекспировского «Макбета» — философско-мистическая история о зловещем бродячем Карнавале. Раз в пятьдесят лет он возвращается в город, для того, чтобы люди Осени, заправляющие им, могли вылавливать

потерянные души: «они просеивают смятение людей и улавливают их души, они выедают разум и заполняют могилы грешниками.»

Они привозят с собой зеркальный Лабиринт и Карусель. Попадающие в Лабиринт, видят себя глубокими стариками, а Карусель предлагает им возврат назад в юность, в детство... Один круг вперед добавляет годы, круг назад – уменьшает. Можно уменьшиться до размеров младенца или стать старше, но «карусельный возраст» не соответствует реальному, внешнее не меняет внутреннее. Ловушка, выбраться из которой можно только став рабами людей Осени.

Настоящее зло не в них, не в Карнавале... Желание живет внутри нас, в соблазне заменить реальное видимым, духовное – суетным, внешним. «Мне стоило лишь пожелать...» и Карнавал заменит твою жизнь, предложит Маску, под которой...которая станет тобой, проявит всё самое скрытое в тебе, а за ней окажется пустота, ничто... Страх перед жизнью, отсутствие духовности, наполненности, смысла, толкает прямо в объятия людей Осени, жестокой иллюзии, рабства. Вынужденная Маска не скроет очевидное, а наоборот, выставит его на показ, на всеобщее обозрение. Блага же, обретенные таким путем, навсегда останутся имитацией. Суета материальности, заменяющая духовный мир. Видимость жизни.

В этом мой Страх. Только и Карусель, и зеркальный Лабиринт, мне заменяет Шопинг — иллюзорность цели, важности, значимости. Шопинг как суррогат истинного интереса, увлеченности... как бегство от депрессии... Невостребованность.

Конечно, все это очень субъективно. *«Мы сами создаем себе и друзей, и врагов...»*

Шопинг – это правда, не моё, но «если двое говорят, что ты пьян, иди проспись».

Откуда же взялась фраза «Люба любит шопинг»? Впечатление, свежий взгляд, причем, не лишенный личной симпатии. Какой смысл объяснять всю подоплёку моей обиды? Может теперь, когда я разобралась с собой, попытаться понять, что же увидел другой?

И опять колесо Памяти крутится назад, только теперь быстрее, свободнее, да и крутиться ему не долго.

Дети выросли и начинали свою жизнь. Наш ежедневный контакт ещё сохранял иллюзию обычной семьи: папа, мама и трое детей, но дети уже шли своими путями, а мы оставались позади. Опустевшее гнездо, но не остывшее. Каждый раз, когда мы собирались вместе, съезжаясь на

короткие семейные встречи, мне хотелось дать всем то, что я давала им раньше, то что всегда казалось мне важным. Я организовывала культурную программу с походами на выставки, концерты, в оперу. Мне казалось, что это поможет сохранить нашу связь нерушимой, на равном, независимом уровне общения, как взрослые. Я продолжала, по инерции, оставаться мамой «на полную катушку». Они же, принимая всё это, отдавали мне дань уважения. Кто-то это делал с большей охотой, а кто-то – совсем без оной. На расстоянии, у них появились свои предпочтения, устоялись свои вкусы. Моя неуёмность вызывала раздражение, недовольство, приглушенные конфликты. Не скрою, мне было обидно.

Однажды, по просьбе детей, мы отправились за покупками, на шопинг. Настроение у всех было миролюбивое. Нам с мужем было приятно радовать детей подарками. Состояние праздника, беззаботности, легкости, без вежливых одолжений – искренне. Дети, как в детстве, были вместе, смеялись, подшучивали друг над другом, обменивались мнениями, просили совета. Глядя на них, в тот момент, я была счастлива. Мы опять были родителями, дающими, дарующими... Может быть и не так, как хотелось мне, но так ли уж это важно? Мы были вместе... Каждый из них, для меня это целая вселенная, нерушимая связь, ради которой можно забыть все свои страхи, опасения... Я и забыла... Даже про своё отношение к шопингу! Значит он прав, мой новый сын в законе, мой зять: «Люба любит шопинг», но только со своими детьми! Так ли это постыдно? Всего два часа в поезде...

«Если же вы в полной мере поймете, и не только умом, что всё – лишь ваше творение, вы освободитесь.»

-7-

Волшебный калейдоскоп

Наша гостиница — самое высокое здание Бангкока, окружена со всех сторон торговыми рядами.

— Что ты хотела? Это восток: или Храмы, или базары.

Я пока еще не знаю точно, что я хотела, но базары меня не привлекают, а восточные Храмы, по непонятной мне причине, отталкивают моего мужа.

Мы путешествуем вместе уже много лет, но такое происходит впервые. Я хочу вдохнуть воздух этого города, присмотреться к лицам, улицам, прислушаться к речи... Мне не хочется верить, что все это только торговые ряды.

По натуре, я охотник. Я могу часами кружить по блошиным рынкам в поиске диковинки, которая привлечет моё внимание и приобретет новую жизнь в моём жилище. Я могу, с неослабевающим интересом, бродить по ярмаркам ремесленников, но здесь... Бесконечные ряды дешевых подделок и, необходимого в хозяйстве, барахла. Как говорит Уэльбек в одной из своих книг, Запад от Востока отличается тем, что на Западе ты носишь оригинальные вещи, а на Востоке их подделки. Я и оригинальными не слишком интересуюсь (см. Предыдущую статью), и уж тем более, их дешевыми копиями.

— Выбирай сама – говорит муж равнодушно, и я четко вижу, неумолимо сгущающиеся, тучи на безоблачном горизонте – Тебе решать!

Моё решение сродни бегству: пойдём куда глаза глядят, пока не выйдем из торгового лабиринта, а там, выпьем чашечку кофе, и будем решать дальше. Уффф!

Мы идем, идём по прямой, идем пол часа, идём уже почти час. Вначале я ещё пытаюсь фотографировать, но это скопище продающих, покупающих, изувеченных нищих, груды товаров, запах еды, шум, пыль, влажность, жара... Пересечь полмира, чтобы ещё раз убедиться, что шопинг это не моё? Я даже кошелек не возьму в руки!

И тут я замечаю, что моя сумка для фотоаппарата, висящая на плече мужа, в которой как раз и лежит мой кошелек, вместе с кошельком мужа, двумя мобильными телефонами и новым фотоаппаратом – раскрыта! Причем открыты обе её молнии, раскрывающиеся в противоположных направлениях – случайности быть не может...

— Нас обокрали? – хочется чертыхаться, но муж смотрит внутрь и говорит, что всё лежит на месте.

— Может проверишь кошельки – начинаю я, но поймав его взгляд, понимаю, что к нам обоим достаточно поднести спичку, причем одну на двоих...

— Мне надоело! Есть в этом городе какой-нибудь парк? – взываю я.

— Это не Европа! Что ты тут собиралась искать? Два дня для Бангкока это слишком много, если тебя не интересуют покупки.

— Не интересуют! Давай искать парк. Пол царства за парк, за любой, хоть за самый никудышной!

Порыскав по интернету, муж действительно находит Парк. Отзывы отличные, идти не долго – километров пять. Ну как не сказать, сакраментальное: Я же говорила!

Надо было только свернуть на одном из поворотов, пройти 500 метров и мы попадаем совсем в другой мир: улицы шире, чище, красивые здания, площадь с фонтаном, на площади бронзовый слон с желтыми гирляндами цветов. Публика тоже выглядит совершенно иначе...

Вздых облегчения, и тут я понимаю, что мне надо в туалет. Прошу прощения за подробности, но именно с туалета всё и начинается.

Мы проходим мимо огромного магазина модной одежды, на этот раз, настоящей и я, скрепя сердце, отправляюсь туда. Покупателей здесь почти нет. Мне на встречу устремляются сразу три услужливые дамы в униформах. Они торжественно проводят меня в дамскую комнату, а там очередь. Очередь небольшая, все дамы изысканно одеты и выглядят очень ухоженными. Такой контраст с виденным ранее, вызывает мой интерес и я, ненавязчиво их разглядываю, правда, только со спины. И вдруг, прямо около кабинок, я замечаю пышный, рыжий хвост! Настоящий лисий хвост, торчащий из-под платья! Я медленно поднимаю взгляд и вижу лисью голову с изящной зеленой шляпкой, безукоризненно подходящей к стилю платья. Пока я пытаюсь сообразить, что со мной не так, шикарная лиса, вихляя хвостом, исчезает в освободившейся кабинке. Спины, стоящих в очереди, не выражают ни интереса, ни удивления. Смотрю назад и вижу шикарного кота, моющего руки в умывальнике. Неужели это вижу только я? Перегрелась? Тут подходит моя очередь, и мои мысли, на время, отключаются на более насущные вещи.

Когда я выхожу, ни лисы, ни кота уже нет...

Я бегу поделиться своими видениями, выхожу на улицу и...вся площадь заполнена сказочными героями, вернее, героями японских комиксов. Толпа молодых людей в фантастических костюмах всё увеличивается и увеличивается. Они с явных удовольствием позировать, улыбаются,

разыгрывают короткие сценки из жизни своих героев. Феерический карнавал! Раздается музыка, и тут мы замечаем отгороженную сцену. Ведущие, в волшебных костюмах, обращаются к публике, вызывая волны смеха. Сменяется чередой исполнителей. Какая лиса, какой кот! Тут такое вокруг тебя, что глаз не оторвать. Приветливые улыбки, готовность фотографироваться, гордость за свой костюм, естественность, непринужденность.

Мой муж с трудом успевает за моими виражами по площади. Я пьянею от восторга и прихожу в себя только, когда слышу предупреждающий голос мужа: «Её ты уже фотографируешь по третьему кругу».

В этой праздничной толпе мы остаёмся до окончания концерта. На сцену выбегают все исполнители и маленькими веничками сметают на публику золотистую конфетти-пыль. Толпа рассеивается и мы, нехотя, покидаем площадь. Впереди нас ждет Парк.

Мы стоим на островке пешеходного перехода. Обилие транспорта поражает. Прямо над нашими головами, пересечения подвесных дорог. Пока суд да дело, фотографирую причудливые силуэты над нашими головами.

— Вы не то фотографируете – раздается рядом со мной женский голос.
— Что значит не то?
— Как только перейдете через дорогу, идите прямо в огороженный сквер. Там сегодня праздник! Раз в году такое бывает. Прямо из Индии. Если вы захотите, вам тоже станцуют и споют. Только для вас.

Женщина говорит достаточно быстро, не оставляя места для вопросов. У неё неплохой английский, но наученная опытом вчерашнего дня, я начинаю подозревать подвох.

— Спасибо, — говорю я ей — мы идем в Парк.
— Вы наверно, впервые в Бангкоке? Парк успеете, а праздник – нет. Я знаю американцев, сама прожила пять лет в Америке. Полгода как вернулась.
— Но мы не американцы – зачем-то поправляю я.
— А откуда?
— Из Бельгии.
— Все равно, не пожалеете. Очень красиво танцуют, а поют...

Загорается зеленый свет и нас переносит потоком на противоположную сторону, прямо к ограде, за которой происходит что-то любопытное...

-8-

Мудрый город

День, начавшийся с сожаления о том, что мы теряем время в Бангкоке, с раздражения, грозившего испортить нам поездку в самом её начале, закрутил нас в магическом круговороте.

Среди стекла и бетона небоскребов, нагромождения подвесных переходов и шумных многолинейных трасс, неожиданно, возникает яркий желтый островок, огороженный легким металлическим забором от улицы. С внутренней стороны он примыкает к зданию гостиницы. Перед оградой идет бойкая торговля желто-оранжевыми гирляндами: с подносов торговцев, через руки пришедших на молитву, прямиком к великолепному алтарю, в тени которого величественно возвышается

золотой, четырёхликий Бог Брахма. Каждая из его восьми рук держит духовный символ: жезл, колесо времени, зеркало, музыкальный инструмент, святые писания... Дым от многочисленных благовоний покрывает все лёгкой дымкой. Мужчины, женщины, дети, останавливаются у подножья алтаря, зажигают благовония, складывают ладони и, прикрыв глаза, застывают в молитве. Некоторые подходят к стене, где в ряд стоят скульптуры золотых и черных слонов, омывают руки, черпая воду из медной чаши изящными серебристыми стаканчиками.

Здесь царит тишина. Обхожу алтарь по кругу и, неожиданно, оказываюсь лицом к лицу с прекрасными созданиями. Заметив моё невольное удивление, они лучезарно улыбаются мне, и опять возвращаются к своему занятию. Сказочного вида жрицы Бога Брахмы готовятся к представлению: накладывают макияж, подкрашивают глаза, губы, укладывают волосы. Рядом расположились музыканты. Их нарочито-суровый вид, ещё больше подчеркивает хрупкость и эфемерность танцовщиц, которые, прямо на глазах у многочисленной публики, преобразаются из милых девушек в божественных жриц. Справа от небольшой крытой сцены, идет бойкая продажа билетов. Женщина-распорядитель обращается ко мне, спрашивая, хочу ли я тоже участвовать, но я, вежливо отказавшись, отхожу в сторону. Она же приглашает меня стать ближе к сцене, говоря, что здесь будет лучше видно. Народ всё прибывает и прибывает. Женщина собирает деньги, записывает что-то на отрывных листах небольшого блокнота, даёт билеты. Потом она аккуратно раскладывает четыре подушки перед сценой и восемь жриц, с остроконечными головными уборами, предстают перед зрителями. Продажа билетов для меня все еще остается загадкой. Для чего? Пока я пытаюсь разобраться в происходящем, толпа за моей спиной становится плотнее, а от очереди справа отделяются четыре человека и преклоняют колени на подушках перед сценой, лицом к зрителям. Женщина-распорядитель передаёт небольшой листок одной из жриц. Нежнейшая музыка, зачаровывающие движения и волшебное пение... Кисти рук танцуют свой особый танец, наполненный незнакомым мне смыслом, лица запечатаны, одухотворены, словно сошедшие с индийских картин. Сидящие на коленях, те для кого исполняется этот танец, погружены в глубокую молитву. Музыка смолкает, девушки застывают на месте. Служительница убирает две подушки, вызывает пожилую женщину и её взрослого сына, передаёт другой листок из блокнота одной из жриц и все начинается сначала.

Меняются имена, меняются просьбы, но ритуал неизменен...

Не могу оторваться от этого зрелища. Туман от обилия благовоний становится всё гуще, происходящее на сцене уводит от реальности. Улыбка, подаренная мне этими жрицами, в их том, ещё мирском состоянии, кажется невозможной...

Сколько времени проходит? Сколько лиц, погруженных в молитву, на виду у толпы, прошло перед моими глазами? Как разгадать, понять всё увиденное, услышанное, неуловимое...

Женщины на заднем дворе, сидя на корточках, продолжают нанизывать желтые цветы на священные гирлянды...

Пора уходить...

Нам ещё нужно успеть в Парк.

Теперь перед нами фешенебельный, прямой как стрела, проспект. Справа и слева высотные здания, прекрасная архитектура, ухоженные лужайки перед входом, цветущие деревья, охрана в униформах. Это большей частью дорогие гостиницы, посольства, частные представительства. Только по многочисленным скульптурам слонов можно догадаться, что мы на востоке, да ещё по лицам редкого рабочего люда, встречающегося нам по дороге. Тут не встретишь ни навязчивых тук-туков, ни повозок торговцев уличной едой, ни ловцов наивных душ...Даже машин тут немного. Красивые, безлюдные улицы. В этом ли городе мы шли несколько часов тому назад, с трудом, пробираясь сквозь толпу и торговые ряды?

И вот, на горизонте показался Парк! Буйство зелени, с живописным озером в центре. Ноги гудят, голова идет кругом, а прямо перед нами прокатная станция водных велосипедов. «Берем?» — «Что за вопрос!»

Мы крутим педали, иногда вместе, а по большей части только муж — я пытаюсь разобраться с фотоаппаратом, и периодически, отлыниваю от физического усилия.

— Посмотри, что там шевелится в воде?

Я поворачиваю голову, в указанном направлении, и застываю в недоумении. У берега копошатся крокодильчики... Мы на это не договаривались.

— Хочешь, подплывём ближе? – спрашивает муж, видимо не сильно доверяя своему зрению.

Вблизи крокодильчики больше напоминают каких-то допотопных пресмыкающихся, может и не совсем крокодиловой породы. Зато обитатели огромных труб, открывающихся по направлению к воде, не вызывают никакого сомнения – это огромные водные змеи. Их плоские головы на длинных телах-шеях поворачиваются вслед проплывающим лодкам. Таких труб много и, в каждой из них, своя змея.

Лодок вокруг тоже достаточно и это успокаивает. Мы подплываем к очень низкому мостику. Зрительно кажется, что нам никогда не проплыть под ним. Навстречу нам выплывает водный велосипед с другой стороны, и мы храбро устремляемся вперед. Посреди водной глади бьёт огромный фонтан, а фоном ему современный, стильный город. Стекло города отражает фонтан, брызги блестят на солнце, вода в озере серебрится и переливается всеми цветами радуги, да и радуга не заставляет себя долго ждать. Великолепие!

Мы гуляем умиротворённые, довольные, счастливые. Жара спадает и любители пробежек заполняют дорожки парка. Если не вглядываться в лица, можно себя представить в любом парке Европы, Америки. Недалеко от нас останавливается молодая женщина.

— Смотри, как красиво в ней переплелись восточные и западные черты – вдруг замечает мой муж.

Мне ничего не остаётся, как согласиться... Она правда очень красива.

****

У нас всего два с половиной часа до отлета. Мы забыли о времени, забыли об еде.

Надо успеть дойти до гостиницы, забрать вещи, заказать такси!

Бежать нам километра четыре, а то и все пять. Никакого шанса поймать такси или тук-тук в этом месте нет.

Несемся, изо всех сил, в обратном направлении. Кроме улиц ничего не осталось. Город одним махом стер все образы, звуки, ароматы. Только учащенное биение сердца и ноющие ноги... Здесь был парк, фешенебельный проспект, праздник, карнавал и, вот опять, нас засасывают несметные торговые ряды, толпа, незнакомые запахи, навязчивые звуки.

Мы забираем наши чемоданы, но снести их вниз самостоятельно, нам не удастся. Очередной человек в униформе, выхватывает их у нас и переносит в другой лифт – для багажа. Спускаемся вниз и тщетно ждем минут десять. Кто-то предлагает нам вызвать такси, но мы медлим, ожидая багаж. Время истекает стремительно, напряжение растёт, да и голод дает о себе знать. Наши чемоданы мы обнаруживаем еще минут через десять, одиноко стоящими в лобби первого этажа – никто и не думал выносить их к стоянке. Такси, наконец-то вызванное для нас, застревает на перекрытой улице и не может сдвинуться с места. Нам предлагают какую-то сомнительную альтернативу без счетчика. У нас не остаётся ни времени, ни выбора. Час пик! Наш шофер едет «прогулочным шагом», болтая по телефону и покуривая сигаретку. Его радио передаёт какие-то странные тексты, монотонным голосом на ему одному понятном языке. Он знает, что мы опаздываем, но ничего не пытается предпринимать. Наше хорошее настроение испарилось. День вернулся к начальной точке, той, что угрожающе маячила в начале дня.

Наконец, мы в аэропорту. Муж протягивает деньги водителю, но тот спокойно отвечает, что сдачи у него нет. На счастье, рядом стоящий мужчина понимает, что происходит. К явному неудовольствию нерадивого шофера, он размениваем нашу тысячу и мы, пытаясь не смотреть друг на друга, несемся на посадку.

Полёт опаздывает на два часа... Есть о чем подумать и подвести итоги... Что это было? Город наказал нас за непочтение? За скоропалительные выводы? Одарил сказочным днем и вернул к «старому корыту»? Волшебный Бангкок! Всего два дня...

-9-

Северная столица – Встреча с Отражением

«Я могу представить себе всё, потому что я – ничто» Фернандо Пессоа

«Чанг Май», и в воображении возникает что-то нежное, весеннее, обволакивающее. Бангкок – сразу бьёт по голове, по нервам, а Чанг Май... Здесь нет такой изнуряющей влажности, солнце мягче, много зелени и ненавязчивой старины.

Мы поселяемся в старом городе, немного в стороне от его туристической части, в уютном особняке европейского типа. Утром, завтракая на открытой веранде второго этажа, мы наблюдаем за местным людом. Прямо напротив, в одном из приземистых домов, находится местная продуктовая лавка. Здесь всё выглядит ни к месту и не на месте. Хозяйка открывает на улицу железные ворота, выносит колченогий, грубый стол, покрывает его видавшей виды клеёнчатой скатертью и начинает раскладывать свои товары. Три банана, пара варёных яиц, наполненные чем-то целлофановые мешочки, дешёвые игрушки, несколько буханок хлеба, какая-то еда домашнего приготовления в пластиковых коробочках, немного овощей, фруктов, диски, писчие принадлежности... Всё вместе, попеременно, понемножку – а вдруг кому-то пригодится... За её спиной, в

глубине помещения, развешана одежда, пыльные коробки с обувью, холодильник с напитками и нагромождение каких-то тюков, ящиков, непонятных предметов. Пока мы с удивлением рассматриваем все эти товары, к дому подъезжают один за другим несколько мотороллеров. На каждом из них взрослый подвозит одного или двух детей, лет трёх, и передаёт их хозяйке магазина, она же – воспитательница домашнего детского сада. Подходят покупатели... Чуть поодаль ещё одна торговая точка: мама с дочкой продают домашнюю еду. Улица пустынна, но периодически из соседних домов появляются завсегдатаи этих лавок, обмениваются приветствиями, что-то покупают и, склонившись в легком поклоне, отправляются по своим делам кто пешком, а чаще на мотороллерах.

На нас опускается благодать, которую не может поколебать ни плохой напор воды в душевой, ни практическое отсутствие горячей там же, ни рис с лапшой на завтрак. Всё раздражение и неприятие мужа улетучивается, как и не бывало. Мы оба очарованы, умиротворены и город, в ответ, радушно раскрывает перед нами свои объятия.

В пяти минутах ходьбы от нашего жилища – Буддийский Храм. Древний Храм 14-го века. Обилие золота ... Но почему, здесь и сейчас, это вызывает восторг? Не раздражает, не отталкивает, а греет и радует душу. Всю внутреннюю храмовую площадь занимает четырёхугольное золотое основание, на котором возвышается округлый, многоярусный купол с острым шпилем, устремлённым в небо. На четыре стороны света выступают из постамента четыре золотых слона. Вокруг ряды колоколов различной величины и звучания. Когда до них дотрагиваются они поют: те что побольше — низко и печально, а те что меньше — звонким детским смехом. В воздухе разлит едва уловимый аромат, откуда-то доносится тихая музыка, совсем юные монахи в оранжевом спешат по своим делам. Я поворачиваю голову им вслед и замечаю своё расплывчатое отражение на золотой поверхности возвышения. Даже не отражение – тень. Куда бы я ни пошла, тень моего присутствия повсюду следует за мной... Или я следую за ней?

Чуть в стороне видна самая древняя часть Храма, черно-белое ступенчатое строение, изъеденное временем. На его фоне выделяется огромный подвесной гонг с выпуклостью в центре. Женщина, почтительно поклонившись, начинает медленно поглаживать её круговыми движениями. Зрелище завораживает. Вокруг собираются люди и, вдруг,

тишину пререзает протяжный и мощный голос разбуженного гонга. Звук заполняет всё пространство вокруг. Женщина склоняется в благоговейном поклоне и отходит в сторону. Её подруга тоже пытается разбудить душу гонга. Гонг молчит. Мой муж пытается пошутить, подбодрить её, но на её лице маска отчаяния. Не так всё это просто... Я тоже подхожу. Гонг отвечает мне почти сразу и голос его мощно и стойко плывёт над площадью. Вокруг меня одобрительные взгляды, возгласы... но смысл происходящего мне недоступен. Женщина делает вторую попытку, но гонг молчит. Толпа расходится, оставляя женщину в одиночестве. Мне за неё страшно.

Загадочность истории с гонгом, странная тень, преследующая меня... у меня все время состояние, что кто-то наблюдает за мной... испытывает, рассматривает, прислушивается.

Прохлада внутри Храма, на время, приглушает это ощущение. Великолепие сочетания темно-красного с золотым, множество преклонённых фигур перед скульптурой Будды, в руках у всех искусно собранный цветок лотоса. Молодая мама пытается убедить непоседу малыша преисполниться важностью момента, а он заразительно смеётся и победно размахивает своим лотосом. Злится на него невозможно и мама, смущенно улыбаясь, продолжает свои попытки тихим голосом.

У входа женщина показывает, как складывают цветы лотоса. Осторожными движениями она отодвигает по очереди внешние лепестки и заворачивает их края внутрь.

— Я пойду принесу воды – слышу рядом голос мужа – Жди меня здесь.

Он уходит и, предоставленная самой себе, я начинаю внимательно разглядывать росписи и фрески на стенах. Как же они прекрасны! Опять ловлю себя на мысли, что и здесь, настенная живопись, небольшие скульптуры из камня и бронзы невероятно выразительны, поражают обилием деталей, мастерством, изяществом, а фигуры Будды и все покрытое золотом, смущает своей массивностью, отсутствием ярко выраженных черт, подчеркнутой грубостью работы и абстрактностью.

И тут я опять замечаю тень напротив... ту, которая не может быть...

Или та, без которой МЕНЯ не может быть?

*****

— Я всматриваюсь в тебя внимательно. Почему тебя так удивляет моё присутствие? Не ты ли всегда утверждала, что нам не дано понять ничего, кроме самих себя? Что глядя на мир, мы пристально вглядываемся только в своё отражение в нём? Как в той знаменитой притче о слоне и ощупывающих его слепцах. Каждый описывает то, что попало ему под руку и представляет слона в соответствии со своим ощущением, но дай им дотронуться до одной и той же части слона, они и тогда не смогли бы прийти к согласию. Наш внутренний мир диктует наше мировосприятие. Это самое устойчивое, спокойное состояние нашей души – состояние внутреннего комфорта, доверия. Мы можем испытывать эмпатию к другому существу, но это состояние уязвимости, балансирования, состояние временное. Невозможно познавать мир глазами другого человека, не привнося в него своих понятий, ощущений, переживаний. Мы заключены в пространство собственной природы, индивидуальности, в своём Эго. Это пространство может быть узким и тесным, а может быть необозримым и всеобъемлющим, в зависимости от наших устремлений. Но оно всегда будет НАШИМ пространством, неповторимым, уникальным, как отпечатки пальцев. В нём всегда будет тот элемент, по которому безошибочно узнают нас, и мы узнаём себя. Как вода, во всех её проявлениях, остаётся водой, так и мы, меняясь с годами, с приобретённым опытом, с накоплением знаний, остаёмся в чем-то, в самом глубинном, неизменными. Эта неизменяемость и ведёт нас по миру, отражаясь во всём и на всех. Разве не так?

— Ты хорошая ученица! Всё верно. Это то, во что я верю. Но моё отражение обычно находится в гармонии со мной, не бросаясь в глаза, и не пытаюсь следить за моей реакцией на окружающее. Что изменилось?

— Я – не могу быть твоей ученицей. Я – это ты. И, пожалуйста, не начинай со мной игры типа «Свет мой зеркальце, скажи». Ты создаёшь и вопросы, и ответы. Тебя смущает моё поведение или твои ощущения? Может тебе ещё напомнить принцип уплотнения пространства? Что ты ищешь здесь и сейчас?

— *Пытаюсь понять... Да, именно, пытаюсь понять! Понять новый для меня мир, новую культуру, людей вокруг себя. Ищу ассоциации, узнаваемое, знакомое, точку опоры, с которой можно будет начать понимать.*

— *Возможно в этом и кроется ошибка? В ассоциациях... Есть ли в твоём пространстве место для этого нового? Помнишь, твои ассоциации с Гауди, Византией, Алисой в стране чудес? Индийские жрицы, готовящиеся к выступлению, на фоне неулыбчивого музыканта, тебе вообще напомнили картины Тулуз-Лотрека... Ты блуждаешь в старых лесах привычного мира, в попытке понять и принять новое. Стоило ли для этого уезжать на другой конец света?*

— *Стать ничем? Начать с нуля? Оставить только зрение, слух, ощущения... Попробовать, отбросив себя, считывать мир, как он есть? Что станет с тобой? Со мной?*

— *Я стану больше, богаче. Мне станет вольготней дышать, а ты... Станешь немножко мудрее и вернёшься к себе... как возвращаешься всегда. Никуда нам от себя не деться...*

*****

Широко открытые ставни пропускают солнечный свет с улицы во внутрь Храма. Диковинные существа, украшающие их поверхность, стоят на границе двух миров: полусумрак и прохлада мира внутри и ярко освещенный, жаркий мир снаружи. Пытаюсь сфотографировать это сочетание, но в проёме окна видны припаркованные машины и это разрушает гармонию снимка. С трудом нахожу точку из которой пространство перед окном свободно от любых признаков времени. Покой и тишину Храма нарушает детский смех. Отец с матерью хотят сфотографировать своего, едва научившегося ходить, малыша на фоне Будды. Малыш бесстрашно идет вперед, доходит до места, поворачивается в сторону родителей и, широко расставив ручки, гордый своим поступком, со смехом несется обратно. Сфотографировать его никак не удаётся, но отцу хочется, непременно, сделать этот снимок, и малыш продолжает бегать туда и обратно, упиваясь от восторга и счастья. Это никак не нарушает покоя молящихся, расprostёртых на ковре перед Буддой.

Выхожу из Храма и только сейчас замечаю напротив ещё одно строение, не менее величественное. На его крыльце, спиной ко мне сидят четыре золотых монаха в позе лотоса. Темно-красный тон крыльца и эти строгие, застывшие фигуры, с первой минуты, пленят меня. Это уже не просто приятие – это влюблённость. Именно их спины, их позы, более любых слов передают то, что мне понемногу начинает открываться: терпение и вечность, отрешённость и сосредоточенность, присутствие здесь и там, без начала и без конца. Четыре золотых монаха слева, четыре справа.

Оставив обувь у подножия, мы проходим под их отрешенными взглядами внутрь, в святая святых. У самого порога я останавливаюсь в нерешительности. Я замечаю древних монахов, погруженных в молитвы. Боясь нарушить их покой, отступаю назад. Кажется, они вообще не дышат. Их безучастность ко всему происходящему вокруг вызывает удивление... уважение. Ребенок подбегает к одному из них и дотрагивается до его руки. Никакой реакции ни со стороны родителей шалуна, ни со стороны монаха. Только тут я понимаю, что передо мной восковые фигуры, реалистичные до невероятности – дань наиболее просветлённым монахам, достигшим Нирваны при жизни, дань почтения и почитания.

Бредём, наслаждаясь покоем и согласием, по главной улице старого города. В первом же туристическом агентстве нам предлагают на выбор несколько дневных экскурсий. Привыкшие путешествовать самостоятельно, в своём темпе, полагаясь обычно на книги и путеводители, мы медлим. Идём дальше мимо многочисленных массажных салонов, ресторанчиков, экзотических строений, различного назначения. Во втором агентстве нам предлагают тот же набор экскурсий по более низкой цене. Желая привлечь наше внимание, хозяйка агентства даёт нам несколько полезных советов «за счет заведения» о старой части города. Она рассказывает, что главная улица соединяет два Храма и нам стоит успеть во второй Храм, желательно, до воскресной ярмарки, которая начнется к четырем часам. Мы обещаем вернуться чуть позже, но уходим, явно огорчив радушную хозяйку, так ничего и не заказав.

— Чего мы ждём? Почему ты медлишь? – удивляется муж – Ты же не будешь ходить по старому городу все дни, а без машины нам никуда не попасть.

Мы возвращаемся в агентство.

— Вот, — говорит хозяйка, без тени улыбки — Я сделала хорошую работу, и вы вернулись. Я очень хорошо поработала, и вы вернулись. Я умею хорошо работать!

Она неплохо владеет английским, и такое безапелляционное самовосхваление, без капли иронии, кажется странным. Она деловито оформляет нам все экскурсии, действительно, значительно уменьшив начальную цену. В это время заходит ещё одна пара.

— Пожалуйста, подождите немного, — просит она и тут же сообщает — Я сделала очень хорошую работу, и они ко мне вернулись. Я очень хорошо работаю.

Особенности языка, перенесённые на английский, ещё не раз поразят наше воображение за эти три дня.

Когда мы выходим на улицу, обеспечив себя поездками на следующие два дня, они уже начинают заполняться лавками, на которых ремесленники раскладывают свои товары. Мы успеваем попасть во второй Храм, хотя на территории вокруг него уже всю кипит торговля.

В отличие от первого, здесь образы правящего короля явно преобладают над всеми остальными святынями. Целая выставка фотографий, официальных и не очень. До чего же он похож на Тимура Шаова! Того самого! Барда, умницу, с огромным талантом и чувством юмора! Может им здесь повезло? Не зря же они его так любят. Я бы тоже не отказалась жить в стране, которой правит свободолюбивый Шаов. Но именно он, а не кто-то другой.

Вечером мы с удовольствием гуляем на ярмарке местных ремёсел. Такой шопинг очень даже по мне, и, под конец, я покупаю себе оранжевые тайские шаровары, окончательно слившись с местным колоритом.

-10-

Белый Храм, Синий Храм и Черный, но не Храм...

В машине нас двенадцать человек, не считая водителя и гида. Пара нашего возраста из Тайваня, восемь одиноких китайских женщин и мы. Пара из Тайваня держится особняком, а остальные смотрят на нас с неприкрытым любопытством.

Наш экскурсовод всё объясняет дважды, один раз для нас на английском, второй на китайском. Одно это уже придаёт нашей поездке особый шарм. На английском он говорит, подобно хозяйке туристического агентства, односложно, прямолинейно, без вводных слов, для усиления эффекта, повторяя всё по три раза. Некоторые латинские буквы не совсем узнаваемы в его произношении, так что повтор даёт нам дополнительное время на понимание. Видавшая вида машина, с разболтанными сидениями (о ремнях безопасности здесь упоминать наивно), несется на полном ходу по встречной полосе, и только на особо крутых горных поворотах, громким сигналом предупреждает об опасности встречные машины.

— Белый Храм – новый, Синий – новый, Черный – не Храм — сразу честно предупреждает гид.

В конце этой экскурсии, для части туристов, согласившихся уплатить дополнительную плату, есть ещё посещение деревни Длинношеих женщин.

Белый Храм, Синий Храм... Один раз увидеть, чем сто раз услышать...
Одного раза более, чем достаточно. Любопытно, ярко, красочно. В Белом Храме всё белоснежно, остроконечно, блестяще и холодно. Поражают размах и амбиции — замок Снежной королевы! Чего тут только нет? Ад, рай, пороки, смесь различных религий, герои современных фильмов, роботы... Здесь есть всё, кроме ощущения Храма, духовности.

Синий Храм, расположенный недалеко от Белого, ещё больше напоминает знаменитые детские парки. На территориях обоих храмов продолжается строительство, и вид ещё не разрисованных деталей, только усиливает ощущение «невсамделишности». При всём моём желании не использовать ассоциации, я чувствую себя как в Диснейленде и толпа посетителей, щелкающих фотоаппаратами, да обилие сувенирных лавок, только усиливают это впечатление.

Между посещениями этих двух современных сооружений, отправляемся всей группой на обед. В придорожном ресторане для нас уже накрыты столы. Мы оказываемся в гуще одиноких китайских женщин. В отличие от привычного нам, они не перекладывают пищу себе на тарелки, а едят прямо с общих подносов и салатниц. Нам ничего не остаётся, как вести себя соответственно. Они восхищаются моими украшениями, и проявляют явную заботу о моем муже, подкладывая ему лучшие и большие куски еды. Несмотря на языковой барьер, нам легко и уютно.

У нас непоколебимо хорошее настроение на этом тайландском севере. Мы готовы благодушно созерцать всё вокруг, и даже восхищаться Диснейлендом.

Постепенно привыкнув к крутым виражам и уверовав в мастерство нашего шофера, мы мирно дремлем до Черного не Храма, а когда мы открываем глаза...

Место зовет к себе. После легковесной мишуры и блеска, оно опускает на землю и затягивает в глубину. Нет, это не Храм, но в нем есть такая глубинная сила, что заставляет замирать сердце и одновременно ощущать очищение. Это очень субъективно, но всё в этой поездке строится на ощущениях, впечатлениях, на внимательном проникновении в «Здесь и Сейчас» самоё себя. Историю, концепцию, идею, личность создателя, этого раскрывшегося перед нами мира, мы узнаем потом. Сейчас, мы полагаемся только на свои внутренние ориентиры. Огромная территория,

на которой около сорока причудливых строений совершенно черного цвета, густой медовый цвет многоярусных крыш, причудливые фигуры, витиеватая резьба по дереву, шкуры, черепа животных, кости, необычной формы строения с художественными инсталляциями внутри... Парк? Музей? Выставка? А может древний дух этой земли?

Каждый поворот головы, каждый взгляд дарит нам новые открытия. Порой жуткие, порой манящие, притягивающие, необычные, обескураживающие... Ещё, и ещё, и ещё... Чем дальше мы углубляемся внутрь этого мира, тем свободнее и легче становится на душе. Есть в нем что-то явно зловещее, но и комфортное, освобождающее... Есть ощущение истинности, пусть и не всегда объяснимой. Не «потому что», а «несмотря на».

— Здесь можно было бы провести целый день – говорим мы почти одновременно, и только тут замечаем, что остались вдвоём. Не видно ни знакомых лиц из нашей группы, ни каких-либо других посетителей. Только где-то вдалеке, под навесом, несколько человек вытачивают и отполировывают новые черепа, скульптуры, замысловатые стулья, всё и без того, в избытке представленное вокруг. Этот мир себя продолжает создавать и воссоздавать...

Отведенное нам время подходит к концу... практически, мы опаздываем. Навстречу нам бежит одна из одиноких женщин и, молитвенно сложив руки и поклонившись, просит нас поторопиться. Пора отправляться в путь.

Перед глазами проплывают образы увиденного и мы благодарим судьбу за то, что в этой поездке нам удалось посмотреть и это.

Пройдет время, прежде чем смысл всего увиденного, предстанет перед нами во всей своей полноте. Кое-что покажется абсурдным, «притянутым за уши», а что-то удивит и порадует. Об этом чуть позже.

Впереди нас ждала деревня Длинношеих женщин.

Девочка с золотыми кругами

Не стану скрывать, вся поездка по храмам была только предлогом для посещения деревни длинношеих женщин. По крайней мере, для меня. Какое-то нездоровое, страстное желание увидеть что-то экзотическое, непривычное, недоступное... Я старалась не анализировать это желание, но и отмахнуться от него просто так не могла.

Посещения двух Храмов и особенно третьего, Черного дома, несколько отвлекло моё внимание и, размышляя о виденном, я почти не заметила как мы подъехали к месту нашего назначения. Выхожу из машины и тут, именно ноги, ставшие предательски ватными, выдают моё неподдельное смятение. Некоторые из одиноких китайских женщин остаются на стоянке и не участвуют в этой части программы. «Пускай они не идут по финансовым соображениям» – умоляю я с надеждой, впервые за всю поездку, внимательно вглядываясь в их лица. В их вежливой улыбке мне чудится упрёк, жалость, осуждение...

— Да ну его! Может не пойти? – ноги прилипли к земле, а сердце мощными колокольными ударами сотрясает тело.

— Ну где ты? Ты идёшь? – зовёт муж и, с опущенной головой, боясь поднять глаза, иду на его голос.

Я так и продолжаю двигаться, по голосу.

— Не отставайте, пожалуйста! Мы должны все зайти вместе. Нам не направо, а налево. Вот сюда. Все здесь? Все вошли? Посмотрите какие тут плантации карликовых ананасов. Вы когда-нибудь видели как растут ананасы? – на этой последней фразе, я прихожу в себя. – При чём тут

ананасы? – во взгляде нашего гида мне мерещится усмешка, но я послушно, как впрочем и все остальные туристы, следуя за направлением его руки, захожу вглубь засаженного участка, и с особым вниманием к деталям, фотографирую... ананасы на низких кустиках.

Фотографирую исступлённо, и только поняв, что вокруг меня уже больше никого нет, решительно выпрямляюсь и поворачиваюсь лицом к деревне.

Передо мной одна, чисто выметенная песчаная улица. С обеих сторон её обрамляют стенды с платками и шальями местного производства, как и на любом другом рынке в этом районе. Сверху ряды покрыты аккуратными соломенными крышами, защищающими от палящего солнца. На столах перед стендами сувениры из камня, дерева и прочих материалов. По большей части – это фигурки женщин с длинными шеями.

Перпендикулярные стенды разграничивают территорию – у каждой из женщин своё пространство. Они или прядут шали, или сидят за прилавком. Есть совсем молодые, есть пожившие своё, а ещё – дети всех возрастов: с металлическими обручами на шеях – девочки, а без оных – мальчики.

Юг, даже в северных его пределах, обычно не поражает своей чистотой, но здесь всё невероятно аккуратно, прибрано, не лишено изыска. Туристы проходят по одной стороне до конца улицы, потом по другой, много фотографируют, меньше покупают, совсем редко, пытаются завести разговор.

Наш гид даёт нам подержать в руках знаменитое шейное украшение, прославившее этих женщин. Это, действительно, украшение, носимое с огромным достоинством. Тяжелое, до пяти килограмм веса, но не статичное. Накрученные кругами металлические трубки, подвижны и удерживать их легче двумя руками.

Легенда гласит, что в древние времена, на юную дочь вождя племени напал тигр. Он прокусил ей шею, и безутешный отец приказал всем дочерям племени, с самого раннего детства, носить металлические обручи на шеях, прибавляя по обручу каждые несколько лет. Глядя на дочерей этого племени сегодня, меньше всего в голову приходит мысль о мере безопасности... Ну если только для посетителей... Они необычайно красивы. Поражает их изысканный вкус, доброжелательность и необычайное достоинство.

Они охотно позволяют себя фотографировать, их взгляд открыт, манеры приятны. То, что происходит здесь – это добротная работа, прекрасная инсталляция, этническая презентация. Не ты приходишь смотреть на людей как на экспонаты, а они впускают тебя в свой мир, предварительно подготовив его и показав с самого выгодного ракурса.

Это ты, проходящий сюда, уродец – искатель острых ощущений.

Постепенно всё становится на места и в моём сознании. Я улыбаюсь им в ответ искренне, с благодарностью за гостеприимство, за красоту, за открытие. Начинаю вглядываться в их лица, подмечать бытовые сценки, заигрывать с детьми. Любуюсь длинношеими мадоннами с мирно спящими младенцами. Они взирают на мир с высоко поднятыми головами и это, видимо, обязывает. Подобно древним жрицам они хранят свой мир, передавая традиции из поколения в поколение.

Я уже совсем забыла о своих страхах и угрызениях совести, но вдруг мой взгляд сталкивается со взглядом девочки лет десяти. Я и раньше заприметила её необычную красоту и не детскую серьёзность. Взгляд приковывает, гипнотизирует меня. Она даёт себя фотографировать, но и через объектив я чувствую её внутреннюю силу. В ней нет ни желания понравиться, ни детской смешливости, она вглядывается, изучает, судит...

Пытаюсь войти с ней в контакт, сказать что-нибудь, поблагодарить за согласие позировать, но чувствую себя суетной, неуместной. Это столкновение с чем-то иным, эксклюзивным даже для этого непривычного мира.

Пара американцев пытается заговорить с одной из девушек.

— Ты это всё делать сама? – обращаются они к ней на ломаном английском, для простоты понимания. Девушка, с едва заметной улыбкой, оглядывает свои работы, развешанные на стенде и отвечает просто и неожиданно правильно: «Да, здесь всё – мои работы. Это то, чем мы здесь занимаемся.»

Я ловлю себя на том, что было бы интересно пожить здесь на равных, на общих правах, общаясь ежедневно и, может быть, научиться смотреть на мир как они – с неподражаемым достоинством и самообладанием. А что

до нашейных обручей? Я люблю громоздкие украшения – мне бы пара, тройка таких не помешала.

*****

А ночью мне снится девочка. Её взгляд затягивает меня, испытывает. Я растворяюсь в нём.

— *Ты сможешь смотреть на мир моими глазами – спрашивает девочка?*

— *Мне будет сложно.*

— *Почему?*

— *Я повидала слишком много.*

— *Разве это мешает?*

— *Чаще всего, да.*

— *Даже если мне это очень важно?*

— *Я могу попробовать. Расскажи мне, как ты смотришь? Что ты видишь?*

— *Я вижу женщину, чей взгляд будоражит меня, зовёт куда-то. Я вижу толпы людей, с короткими шеями и неуверенным взглядом. Я пытаюсь представить их мир, там за полями... Пока не поздно, я могу снять мои обручи, уехать далеко-далеко отсюда и стать как все они. Но хочу ли я?*

У меня нет ответов. Есть только образ девочки и её взгляд, неотступно следующий за мной... по сей день...

FREE HUGS и ДЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Джунгли! Вы бывали когда-нибудь в джунглях? Мы нет. По этой причине выбор второй экскурсии был лёгким. Кроме джунглей и водопадов, эта поездка включала посещение деревни беженцев и двух современных храмов, воздвигнутых в честь ныне здравствующих короля и королевы.

Группа, на этот раз, состояла из сплошных европейцев, так что каждый сам по себе. К счастью, наш гид был сплошное очарование. С самого начала он начал посвящать нас в премудрости местного темперамента. Немного лексикона, а главное – правила приличия. Например, знаете ли вы, что существует три вида приветствий? Какое различие между ними? Всё очень просто: сложили руки как для молитвы, большие пальцы под подбородком, поклонились – это для равных, теперь перенесли сложенные ладони чуть выше, большие пальцы под носом, поклон – перед вышестоящими или родителями. Теперь всё то же самое, но большие пальцы на уровне переносицы, да поклон пониже – в храме или перед священнослужителями. Просто... А знаете как отличить мужчину от женщины? В Таиланде это иногда очень трудно... Да... очень трудно. У нас тут есть мужчины, женщины и леди-мэн. Они очень красивые, очень. Мы их распознаём по разговору. Вам это будет сложно. У них интонации другие. А ещё наркотики. У нас очень строго... Да... очень строго. Есть беженцы, которые только на наркотиках и жили, зарабатывали огромные деньги. Наш король им пообещал образование, гражданство, пособия... только уничтожить все поля наркотиков. Очень тяжело... За наркотики много денег дают...

Он говорит почти всю дорогу до нашей первой остановки, имитируя голоса, пытаясь научить нас всевозможным словам и фразам на местном наречии. Увы, европейская публика не столь отзывчива, да и понять его не всегда просто, даже при троекратном повторе.

Приезжаем в деревню бывших беженцев, тех, которых пытались и пытаются отучить от лёгких заработков на тех самых наркотиках. Обитателей почти не видно, зато нас окружают собаки. Их тут превеликое множество, всех возрастов. Они следуют за нами повсюду, и любопытные щенки перетягивают всё наше внимание на себя. В специальном павильоне развешаны всё те же шали и платки, а на небольшом возвышении три местных красавицы, в этнических одеяниях, живописно прядут. Они готовы позировать, но не могут скрыть усмешку, глядя на наивных посетителей. Иногда, на единственной улице, появляются древние беззубые старики, исчезающие в прорехах между деревянными хижинами. Нам предлагают купить местный кофе, но, лично для меня, кофе без запаха таковым не является, да и само место не производит никакого впечатления... Видимо, мой предел восприятия был достигнут вчера, в деревне Длинношеих женщин...

Мы круто поднимаемся в горы, в джунгли. На стоянке, перед тем как мы выходим в поход, нас предупреждают, что мы должны быть все вместе. В случае, если мы потеряемся, заблудимся, надо искать ориентир – беседку на возвышении, до которой мы сейчас дойдём.

Дорога в джунглях выложена огромными правильными прямоугольными плитами, с отпечатками в виде всевозможных листьев в натуральную величину. Величина листвы и листьев здесь, действительно, поражает. Всё остальное – милый парк, с искусственной поливкой и легко доступными достопримечательностями, около которых нас охотно фотографирует наш гид. Заблудиться тут, практически, невозможно. Затем мы идём по жилому комплексу, с маленькими уютными коттеджами и ухоженными цветочными палисадниками. Комплекс заложен самим королём и находится под его эгидой. А ещё... он подозрительно напоминает израильские кибуцы. Мысль об Израиле посещает нас уже второй раз в этой экскурсии – поливочные установки, для нас израильтян, показались очень знакомыми.

Обед для нашей группы очень наглядно демонстрирует разницу восточной и западной культуры: каждый наполняет свою тарелку и не стремится к ненужным контактам... мы и так, всё про друг друга знаем и понимаем: мама с дочкой – французы, папа, мама, взрослый сын – немцы, молодая пара – смешанного европейского происхождения, три девушки – румынки и мы. Каждый сам по себе, в своей тарелке... Как-то особенно

тепло, вспомнились одинокие китайские женщины и их, почти детское, любопытство к миру и к нам.

Наслаждаемся природой, приятной погодой и друг другом.

Храмы в честь короля и королевы не трогают ни души, ни сердца. Внутри они практически пустые. Между ними много лестниц и в переходах дует пронзительный ветер. Я предпочитаю фотографировать виды снаружи, а муж заходит внутрь.

— Знаешь, — сообщает он мне, усмехаясь — там описание жизни Будды и черным по мрамору: кто не следует его пути — не спасётся в этой жизни! А ты говоришь не религия...

— Это не я... Это они, а я не знаю. Я тоже в сомнениях...

*****

В Чанг Май мы возвращаемся ещё засветло. Отправляемся в приглянувшийся нам ещё раньше, экзотически оформленный ресторан. Здесь всё изысканно, эксклюзивно и достаточно дорого для Таиланда. Мы решили устроить себе праздник. Уезжать из этого города жалко, хотя нас и ждёт отдых на острове, но это уже другая история.

После ресторана мы бродим по старому городу. Без многочисленных лавок он выглядит иначе. Всякий раз, за эти три дня, когда мы идём по тем же самым улицам, я не узнаю их. Они меняются и открывают всё новые свои стороны. Город играет с нами, обвораживает, затягивает. Мне кажется, что даже его небольшая старая часть так и не открыла нам все свои тайны. Есть к чему вернуться... А может быть, всё дело в той атмосфере, которой одарил нас этот уголок земли? Мы решаем выйти за пределы старого города и попадаем на площадь. Девушка кормит голубей и они покойно планируют на её плечи, на протянутую руку. Почти из всех мест, где нам вместе было хорошо, у меня есть фотографии девушек, кормящих голубей. Рядом, на большом трехколесном велосипеде, сильно постаревший хиппи, держит табличку «FREE HUGS» — свободные объятия. Подойди, обними и мир станет лучше. За стенами старого города — привычные современные постройки. Нам не хочется разрушать очарование этого вечера и мы возвращаемся внутрь.

— Давай найдём какой-нибудь бар с музыкой – предлагает муж.

С годами мы начинаем понимать друг друга без слов. Меня это до сих пор удивляет. Такая фраза более подходит мне...

Как по волшебству, перед нами появляется огромное пространство баров, подмостков с музыкой, татуировочных кабинетов, странных заведений. Как возможно, что мы не видели этого раньше? Музыка гремит со всех сторон, нас куда-то зазывают, приглашают. Здесь всё наполнено томлением, чувственностью, молодостью.

Пытаемся найти место, где потоки музыки не пересекаются и можно насладиться какой-нибудь одной мелодией, но это невозможно.

— Знаешь, — предлагаю я – можем сесть так, что ты будешь слушать одну музыку, а я другую. Звучит глупо, но можно попробовать.

Мы находим бар, на открытом пространстве, между двумя музыкальными площадками, на одной из которых даже танцуют. Садимся друг против друга и заказываем крепкие коктейли. Нас обслуживает небесной красоты создание, совершенное настолько, что мы начинаем сомневаться в его реальности. Если это девушка, то почему у неё мужской кадык, а если парень, то откуда такие идеальные формы. Мы дурачимся, смеёмся, целуемся через стол и понемногу пьянеем от счастья, от друг друга, от окружающего. Мы переходим от бара к бару, отзываясь на звуки музыки, соединяющей нас в одно целое, без времени и лет. Я задерживаюсь на минуту и оказываюсь перед широко распахнутыми дверьми бара. В нём всего двое: бармен за стойкой и его друг, сидящий напротив. У друга шикарные дреды на голове – моя мечта, над которой потешаются мои рассудительные дети, за его спиной на стене восхитительное граффити и сумасшедшая подсветка в ритм гремящей музыки. Я застываю, как вкопанная – это моё!

— Заходи – приглашает парень, широко улыбаясь.

— Поздно – говорю я, почему-то.

— Какое поздно? – отвечает он – Детское же время!

Меня разбирает и досада, и смех.

— Вот именно, ДЕТСКОЕ ВРЕМЯ! Поздно...

— Тебе видней. Двери всегда открыты...

Всё становится нереальным, возможным и, всего на секунду, меня накрывает такой тоской...

Мы идём обнявшись по этому фантастическому городу, где за каждым окном, каждым поворотом, столько неизведанного. Тогда и появляется эта идея ПИСЬМА К ДЕТЯМ. Нам нужно их внимание! Нам важно, чтобы они увидели нас такими, как мы сейчас... Нам хочется смеяться и дурачиться на равных. Они — наша молодость, которая никуда не исчезла! Нам нужно быть вместе...

Мы обдумываем как поразить их, разыграть, закрутить в общем водовороте событий. Дурачимся как дети, придумываем что может заставить их сопереживать и принимать живое участие в нашей жизни.

Решаем объявить, что решили сделать татуировку, причем с определённым смыслом. Представляем их реакцию. Разыгрываем роли. Смеёмся в голос.

Нам осталось только собрать вещи и завтра утром лететь на остров. Оттуда и напишем!

Чемоданы уже закрыты, я достаю свой кошелёк из сейфа, в котором он пролежал три дня, и ...

У нас пропали деньги... НЗ — неприкосновенный запас, который мы держали в евро, на всякий случай. Деньги не большие, но сама мысль, что кто-то нас обокрал, пока нам всё казалось таким лучезарным, отравляет сознание. Досада...

Настроение испорчено.

Утром мы всё ещё в смятении, но тут я понимаю, что это скорее всего произошло ещё в Бангкоке, в тот момент когда мы обнаружили, что все

карманы в сумке открыты. Из сейфа сложнее взять деньги, не нарушив код.

Мы договариваемся считать, что нас обокрали в Бангкоке и, таким образом, Чанг Май – место, где нам было так хорошо, остаётся вне подозрений!

Спасибо Господи, что взял деньгами.

Зато в идее нашего письма появляется немаловажная, пикантная подробность...

What's up? — Письмо к детям

Дети нам пишут. Пишут в том формате и стиле, который принят сегодня повсеместно: короткие сообщения, комментарии, смайлики... Я посылаю им фотографии и краткие пояснения. Стиль, диктуемый современными способами общения... Одним словом – WhatsApp – звучит многообещающе, хотя бы на слух.

What's up? – Скажи мне, что не так? Что тебя беспокоит? Что с тобой происходит?

WhatsApp – сокращение сокращений: первое созвучно с реальным интересом к тебе, а второе, сокращенное от application – техническая программа, приложение. Жаловаться грех. Скорость общения, доступность и информативность – большое достижение в нашей жизни, но...

Нам хочется большего. Если жить, как мы в этот раз, Здесь и Сейчас, на остроте ощущений, восприятий, жизнь переполняет сверх привычной рутинной нормы, и тогда... What's up? – Что слышно? – требует совсем иного формата ответа.

Идея послания детям занимает наши мысли. И в шутку и всерьёз, мы продумываем как привлечь их внимание, вырвать из повседневности, развернуть к себе лицом...

— Как вы любите вашу пищу? – спрашивают здесь в ресторанах – По шкале от одного до пяти, когда пять – это максимальная острота.

— Не меньше четырёх – отвечаю я, и это для меня внове. На меня смотрят с сомнением, а мне и четырёх мало и пять не предел.

Это желания определить свои границы, бесстрашие свойственное детям или ранней молодости, когда впервые задумываешься всерьёз о жизни, посещает меня здесь всё чаще и чаще... А может это просто тоска за «бесцельно прожитые»? Желание «выйти за горизонт»?

Помните, в самом начале нашего путешествия, «там на ужин били склянки»... Эта мелодия, эти слова опять всплывают в памяти и уже не оставляют меня до конца нашего пребывания в Таиланде. «Я почти на середине жизни собственной стояла»...

Остров Кох Самуй. У нас огромный номер с кроватью, размерами больше напоминающей аэродром, на крытом балконе – джакузи в личное пользование, море, золотой песок, бассейн на берегу и две основные Буддийские достопримечательности на расстоянии вытянутой руки: один Храм прямо перед нами, а до другого меньше двух километров пешком. В планах: много солнца, много книг, экзотическая еда, а всё остальное – на откуп господину Случаю.

Мы исследуем окрестности, бесстрашно шагая по пыльному бездорожью, лавируем между беспорядочно несущимся транспортом, приглядываемся к местным ресторанчикам.

— Тут все с мотороллерами. Давай и мы возьмём, иначе, по этим дорогам без тротуаров, мы далеко не уедем — предлагает муж.

Подходим к ближайшему прокатному пункту, он же лавка по продаже вещей первой необходимости, он же заправочная станция, он же...

И тут мой внутренний голос говорит первое за всю поездку, НЕТ! Я сопротивляюсь ему, но он неумолим – НЕТ! Чувствую себя виноватой, вижу огорчение мужа, но ничего не могу с собой поделать.

Вечером, забравшись на нашу огромную кровать, мы пишем письмо. Пишем на английском – языке, на котором всем без исключения детям, будет легче нас понять.

Наши дорогие, любимые дети! Все пятеро!

Мы стоим перед жизненно важным решением, принятие которого может некоторым образом повлиять и на ваше будущее. Нам важно обсудить это с вами, с самыми нашими родными и близкими, и услышать ваше мнение по этому поводу.

Мы ещё не сообщали вам, но, к сожалению, часть наших наличных, которые мы взяли с собой Таиланд, были украдена. Сумма не столь значительна, как тот факт, что мы даже не обратили на это внимание и не имеем ни малейшего понятия когда, где и как это могло произойти. Это нас очень огорчило, расстроило и насторожило.

Мы не становимся моложе и не знаем, что ждёт нас впереди – от старческой деменции никто не застрахован... А что может быть страшнее потери образов любимых, потери памяти? Сейчас нам очень хорошо вместе. Мы чувствуем себя молодыми и счастливыми. Как говорят сегодня? Шестьдесят – это новые двадцать! Глядя на окружающий нас мир и чувствуя себя вновь юными и, пока ещё, полными сил, мы придумали выход для возможных будущих проблем, в соответствии с современными веяниями.

Мы, в полном здравии и рассудке, решили сделать себе татуировки (ТАТОО по вашему)! Мы всё продумали. На правом плече, каждый из нас напишет имя партнёра, что-то вроде: «В честь моего любимого мужа, Йосси» — на моём плече и соответственно «В честь моей любимой жены, Любы» — на папином плече. Таким образом, мы всегда сможем вспомнить свои имена и статусы по отношению один к другому.

На внутренней стороне левой руки, начиная от локтевого сгиба до начала кисти, мы сделаем татуировку бегущей строкой с именами наших детей по парам через запятую, оставляя место для будущей жены младшего из вас. Убедительная просьба на будущее, оставаться всегда вместе, не разводиться и не портить эстетику предлагаемой записи.

Правую руку мы оставляем зарезервированной для наших внуков и распишем её непременно, как только конечный результат будет достигнут. Постарайтесь не задерживаться, пока мы ещё способны наслаждаться жизнью и помогать по мере возможностей.

Мы начнём не торопясь, подготавливая остальные части наших тел для ваших портретов с подписанными именами... кто знает? Может пригодится...

Конечно, это наше личное дело, но внешний вид ваших родителей может сказаться определённым образом на вашем мировосприятии, на будущем. По этой причине, нам важно услышать ваше мнение.

Так как вам наша идея?

Любящие вас безгранично, папа и мама.

Письмо написано! В каждой шутке – есть доля шутки! Для нас – это выражение нашей безграничной любви, потребности в общении, внимании. У нас дружная семья, дети едят... почти все... What's up?

Чего же нам не хватает?

Письмо я отсылаю под ночь. У нас ночь, а у них день. Муж, добросовестно исполнив свой долг, приняв участие в моём безумии, засыпает. А я, предусмотрительно убрав звук на мобильном, всю ночь веду переписку с обеспокоенными детьми.

— Какие мы все разные! – пишет наш младший – пять совершенно разных реакций!

Он прав, реакции совершенно не совпадают, кроме как в том, что зачинщицей все видят меня.

Первая реагирует дочка. Она боится за нас, переживает. Ей видятся страшные истории, которые могут с нами произойти: от заражения СПИДОМ, до безумного катания на мотороллерах по восточному бездорожью. – Что с вами происходит? Мама, ты решила мне показать как переживают и не спят по ночам родители, отправляя своих неразумных подростков, в страны возможных соблазнов? Может вы и это собираетесь делать? – она присылает нам картинку с накаченным, татуированным байкером в кожаных штанах и жилете, с банданой на голове на фоне огромного мотоцикла.

Тут меня черт попутал, и я пишу ей, что мы уже взяли мотороллер, но в кожаном облачении тут будет жарковато, а за напоминание о бандане – спасибо. Сама себя заарканила...

Это только распаляет её беспокойство – Мама Татоо это пошло, это дешёвка! Что вы принимаете? Где и что вы пили?

Я посылаю им фотографию того самого бара, около которого я поняла, что моё детское время уже ушло...

Теперь детям кажется, что это объясняет многое...

— От твоей мамы можно всего ожидать. У каждого человека есть рутина в жизни, а её рутина – непредсказуемость! – комментирует мой зять и, по моему, ему это нравится, для разнообразия.

— Мама, Татоо – это не твоё! Мы ведь с тобой не любим быть как все... - мой младший, ехидно использует мой же довод, которым я его остановила в своё время, когда он подумывал о татуировке. Он больше всех понимает, о чем идет речь – Вы поспорили, кто как отреагирует? – пробует он, но общее смятение заставляет и его задавать вопросы.

— Зачем писать слова? Если уж очень хочется, что-нибудь маленькое, ну бабочку какую-нибудь. Только не в Таиланде! Это может быть опасно. А деньги это ерунда – со всеми бывает...- пишет невестка.

Всю ночь и день идёт переписка. Нас греет их внимание, забота, интрига. Я всерьёз начинаю задумываться над реакцией дочери. Она у нас мудрая, проницательная. Я с ней очень близка, почему же она так обеспокоена?

— Обещай, что вы будете ездить на мотороллере с каской. Мама, неважно если ты испортишь причёску! Обещай! – умоляет она. Её внимание и приятно, и настораживает... Да и с мотороллером я её разыграла...

Только один молчит... Посылает фотографии внучки, звонит по делам, но не может спросить: What's up? Что происходит? Как вы?

И тогда мы понимаем, что вся идея была для него... Нам нужно совершенство, ощущение общности, целостности. Здесь и Сейчас нам важно знать, что всё у нас сложилось. Всё получилось.

— Доченька, почему ты так волнуешься за нас? Разве, в твоих глазах, мы дети неразумные?

— Нет мама. Просто я, иногда, не прочитываю тебя. Ты путаешь... с твоим хипповым прошлым...

Это озадачивает... Требуется ответа... самой себе...

А был ли мальчик? Было ли хипповое прошлое?

Лирическое отступление о хипповом прошлом

Ты путаешь – говорит мне дочь. Запутываешь – сказала бы я... Хипповое прошлое, для меня звучит заманчиво. Не зря же меня накрыло тоской там, у этого бара в Чанг Май.

Но было ли оно? Да и что это такое? Хиппи в середине семидесятых, в Советском Союзе, да даже и в Прибалтике...

Возможно это была просто мода? Длинные волосы, тертые расклешенные джинсы, брэнчание на гитаре? Этого всего было больше, чем в избытке. Бродяжничество, беспорядочные связи, наркотики? Этого и «близко не стояло», не было и не намечалось, но никогда мною не осуждалось. Каждый живёт по своим правилам, по тем, которые может себе позволить. Именно, позволить... Я, одна из лучших учениц в школе, позволяла себе двойки по поведению, срывая или прогуливая уроки. Но мне всё это с лёгкостью прощалось – во всём остальном, гордость школы... Детям своим тоже внушала, по прошествии лет: учись на совесть, а дальше веди себя так, как считаешь правильным; если читаешь книги, по мне, можешь пропускать школу. Призыв к бунту? Конечно! Только вот вопрос: против кого? Против системы, образа жизни, мещанства, страха? Однажды, кто-то из моих длинноволосых друзей в потёртых джинсах, привел меня на «стойбище хиппи» в лесу. Он утверждал, что это место их сборов. На закрытой со всех сторон лужайке, посреди густого леса, стоял грубо сколоченный стол, человек на двадцать. По всей его длине тянулись длинные лавки из брёвен, а в стороне чернел круг свежего пепелища. Это больше напоминало место для пикника, если бы не удалённость от дороги и, видимо, ещё какие-то знаки, которые указывали на не совсем обычное происхождение этого места. Я попыталась себя представить одной из тех, кто приходит сюда, но меня оттолкнула идея массовости, общности... Бунтовать я предпочитала в одиночку, изобретая и свою символику, и свои идеи, и свои цели. Моё стремление к свободе, к полной независимости, мирно уживалось как со статусом прилежной ученицы, так и со статусом послушной, любящей дочери и внучки. Это был мой выбор – я не насильствовала себя и не притворялась. Даже становясь порой «себе на горло», ради этих добровольно принятых статусов, я считала себя героем, но никак не предателем. В настоящем хипповстве должен быть бунт! Для воплощения идеи, идеала в жизнь, их нужно отстаивать, утверждать, их

именем нужно протестовать! Я зачитывалась книгой Робер Мерля «За стеклом» о событиях 1968 года, готова была последовать за его главным героем Давидом, реальным человеком, возглавившим восстание студентов в Париже, на край света, но... из всех идей этой книги, в моём сознании осели идеи психоанализа, Фрейда, открытой сексуальности, почтительного отношения к наготы, к естественности, к естеству... Политическая подоплёка, социальная картина проблем западного мира, мне, жившей на то время в социалистической реальности, показалась неважной, не интересной... дух политического бунтарства меня не привлекал ни тогда, ни сейчас.

Для такого бунтарства нужно обладать чётким видением Идеала, того как должно быть, единственно правильно и непоколебимо. Я не знаю, как должно быть... Для тех, кто справа, я слишком левая, а для тех, кто слева — слишком правая... Сама же я предпочитаю всегда ориентироваться только на своё понимание момента, не опираясь, на заранее оговорённые и принятые догмы. Мир слишком сложен, для того чтобы упрощать его, ограничивая раз и навсегда свою позицию... будь то политика, религия, принадлежность к любому сообществу, общности.

Так против кого бунтовала моя душа? С кем вела непримиримый спор, который так и не утих с годами? Давид из книги Мерля, реальный Давид, — сегодня руководит партией Зелёных в Германии. Остепенившийся политик, как и большинство хиппи, стал почитаемым членом общества, против которого выступал в молодые годы. Мне о таком счастливом исходе и не мечтать. Мой оппонент, мой соперник — я сама... Мои рваные джинсы, по сей день, это протест против моего послушания, добровольного соответствия рамкам... любым рамкам. Единственная свобода, ради которой я готова идти на баррикады — это свобода мыслить. Вот она-то и не даёт мне покоя, с безжалостностью зеркала отражая все мои уступки себе, какими бы благородными не были порывы вызвавшие их.

*****

Я вспоминаю своего папу... В восьмидесятом, мы уезжали из Советского Союза в Израиль. Часть пути, до Вены, мы ехали поездом, а из Вены уже летели самолётом. Нас было трое: папа, мама и я. Измученные таможенным осмотром, с наспех запиханными вещами в раздутые чемоданы, мы наконец-то, вошли в наше купе. Кроме нас в купе ехал студент из Чехословакии. Родители начали приводить в порядок вещи и студент, понимая, что в купе слишком мало места для всех нас,

предложил мне, своей одногодке, посидеть в вагоне-ресторане. Это всем было удобно и мы с ним ушли. Здесь мы и просидели целую ночь, попивая чай и ведя долгую задушевную беседу... ни о чём. Очень скоро мы заметили, что мой папа сидит в самом конце вагона, прикрывшись газеткой, как заправский шпион. Он сидел целую ночь, а мы всё гадали, есть ли в его газете дырочка для подсматривания за нами. Это было странно, необычно, но я приписала это нервозности всей обстановки отъезда. В Вене папа продолжал вести себя очень странно по отношению ко мне. Он практически избегал меня, но одновременно с этим, я ощущала всюду его присутствие. Отношения между нами были натянутыми. Так мы и прилетели в Израиль. Папино поведение продолжало удивлять. В его взгляде я чувствовала презрение. Хоровод событий закружил нас. Мы были практически одни в новом для нас мире и нуждались друг в друге, в сплоченности, в поддержке.

— Папа, ты можешь объяснить мне, что это было? Почему ты повёл себя так и в поезде, и потом? Я не огорчала вас, что вызвало твоё озлобление и, мне даже показалось, твоё презрение?

Эти вопросы я задавала несколько раз, но он обычно уходил от ответов, а когда он наконец решился на ответ, его ответ озадачил меня ...

— Ты всегда мечтала о Париже. Я, зная тебя, думая, что знаю тебя... был уверен, что ты сбежишь по дороге... Воспользуешься свободой, для того, чтобы воплотить в жизнь свою мечту. В своём воображении я видел это, я боялся этого и я... надеялся, что у тебя хватит храбрости...

— Ты думал, что я ради своей мечты брошу вас в момент, когда мы были так нужны друг другу? Как ты мог такое подумать? Да и как это вообще можно было осуществить? Видимо ты меня вообще не знаешь!

— Видимо, да... Мне казалось, что ради мечты... Ты запутываешь...

И в тот момент меня накрыло такой тоской...

Всё хорошо, что хорошо кончается...

В запале розыгрыша, я сказала дочери, что мы уже взяли мотороллер. Она переживает, беспокоится, а я чувствую неловкость. Не в моём характере врать. Назвался груздем – полезай в кузов! К вещи радости мужа, я снимаю своё вчерашнее вето, и мы идём в ближайший прокатный пункт, он же лавка по продаже вещей первой необходимости, он же заправочная станция, он же...

Мой внутренний голос практически охрип, предупреждая меня об опасности. Его отчаянный крик отзывается в ушах и сердце набатным боем, но... иду как на закланье, иду и пытаюсь утихомирить его железобетонными доводами:

- Во-первых, я не могу выглядеть обманщицей в глазах дочери.
- Во-вторых, несправедливо ограничивать мужа, лишая его такого удовольствия.
- В-третьих, сколько можно вести себя разумно и страдать от пропущенных возможностей (см. предыдущий пост).
- В-четвертых, кто сказал, что это обязательно кончится плохо?
- В-пятых, тебе нравится быть эдакой свободолюбивой оторвой, в глазах своих детей? Вот и будь! Не разочаровывай их!

Середина дня. Площадка перед лавкой выглядит почти пустой. Муж начинает волноваться и мы ускоряем шаг. Я с трудом поспеваю за ним, а мой внутренний спорщик и подавно.

— К сожалению, остался только этот мотороллер, но он очень мощный... в два раза мощнее обычного. – предупреждает нас хозяйка прокатного пункта.

— Что это значит? – обречённо спрашиваю я.

— Мощный очень. С ним надо осторожнее. На газ почти не жать.

Мой внутренний голос, наконец-то догнал меня, отдышался, и его истерические стенания грозят вырваться наружу, пугая прохожих. Я

отхожу в сторону и, как мантры, повторяю весь список вышеприведённых доводов.

Муж слушает объяснения хозяйки лавки, проверяет наличие бензина и касок, даёт залог, делает пробный круг.

Пути к отступлению перекрыты... Будь что будет! Мой мозг выбрасывает на поверхность сплошные пословицы и поговорки. Пичкает меня, издеваясь, народной мудростью. Двух смертей не бывать, а одной не миновать. Охота пуще неволи. Не было печали...

— Пожалуйста, не гони — смиренно прошу я, и мы трогаемся с места.

Махнувший на меня рукой, внутренний голос замолкает. Муж сосредоточивается на дороге. Застёжка, выдавшей вида каски, подпирает мой подбородок и вызывает у меня брезгливый озноб. Сумасшедший поток транспорта обтекает нас со всех сторон.

Мы делаем круг, до Большого Будды и обратно в гостиницу. На последнем повороте пустынной дороги, окрылённый успехом, муж нечаянно прибавляет газ и...

Мотороллер несётся на противоположную сторону, врежется в ограду, падает и накрывает собой мужа... Я оказываюсь в воздухе, летящей в противоположную сторону и в следующее мгновение обнаруживаю себя лежащей в позе эмбриона на самой середине проезжей части...

Под рукой и ногой ощущаю шероховатость грубого асфальта. Никаких голосов... Никаких звуков... Между мной и небом простирается какой-то необычной красоты свет. Мне так покойно и хорошо, что я готова остаться здесь навсегда. Вот так, не шевелясь, не закрывая глаз. Покажись тут сейчас машина, я не стронусь с места. Как же мне покойно и хорошо!

— Вам помочь? Возьмите мокрую салфетку. У вас кровь, а тут очень грязно. Это опасно.

Женщина говорит по-русски, в её голосе забота, а мне не хочется выходить из этого внезапного, лишённого всякого смысла, блаженства... Во мне нарастает протест. Женщина предлагает мне руку, я показываю,

что встану сама, но моё тело не хочет двигаться, прижимаясь ещё плотнее к шершавости асфальта.

Если так продолжиться, меня и домкратом не поднимут. Мысли текут медленно, тягуче. Женщина оставляет мне салфетки и пластырь, и отходит в сторону.

— Надо разозлиться! Надо встать! – пытаюсь растормошить я себя.

И тут приходит спасительная мысль, исключительно женская: Я же говорила ему, что не хочу! Я же просила!

Великая сила заложена в определении Крайнего! Я встаю на ноги и пытаюсь сориентироваться на местности. Муж выбирается из-под мотороллера и идёт в мою сторону.

— Ты в порядке? – спрашиваем мы одновременно.

— Я да – отвечает муж.

— А я нет! – говорю я зло – Я не приехала сюда калечиться! Я не получаю удовольствия от ссадин и синяков!

Я сама себя распалю, завожу большой ручкой... но дело не в этой аварии, не в обиде на мужа...

Я отчаянно хочу вернуться в состояние блаженства и покоя, охватившее меня после падения...

Муж смотрит виновато и это придаёт мне силы: больше не поеду! – говорю я, но сама понимаю, что это неправильно. Нельзя оставлять человека с чувством неудачи, вины, провала. Не имею права... сейчас уже не имею ...

— Ладно, пошли помоемся и поедем дальше – примирительно говорю я, и только тут замечаю, что муж хромает.

— Ты ударил ногу?

— Нет, всё в порядке. Едем в рыбацкую деревню? — он счастлив, а я чувствую себя очень благородной женой. Мой внутренний прорицатель молчит. Видимо, худшее уже позади...

— *А я предупреждал...* — едва слышится его голос вдали, но его заглушают появившиеся, откуда ни возьмись, звуки просёлочной улицы: проносящиеся мотороллеры, самосвалы, щебетание птиц, шум листвы и победные гимны нашего примирения...

*«Мы просто глина под рукой
творца,
Не знаем мы, чего от нас он ждет.
Он глину мнет, играя, без конца,
Но никогда её не обожжёт»*
Герман Гессе

Три последних дня были настолько загружены эмоционально, что что-то первоначально важное, стало ускользать... Сначала эта захлестнувшая меня тоска по несбывшемуся прошлому, потом, как расплата, шок от потери денег... Письмо детям, которые и без того были к нам внимательны, все кроме одного... Но именно его это письмо и не затронуло. Затем это противостояние собственному внутреннему голосу, дешевый кураж, история с мотороллером. И опять наказание? Падение?

Спасибо, что взял деньгами, да отделались царапинами...

Впервые за весь наш отпуск, мы живем рутинно. По утрам загораем, плаваем, читаем, потом наслаждаемся джакузи в своём номере, делаем обход двух ближайших Храмов, ужинаем в островных ресторанчиках, попиваем коктейли в барах, у самого берега моря. По вечерам опять читаем или смотрим фильмы.

Я читаю, но вот уже несколько раз ловлю себя на том, что перелистываю страницу и не помню, что я прочитала. Читаю буквы, слова, фразы, а мысли где-то далеко... Текст отвернулся от меня, да и я не слишком усердно пытаюсь привлечь его внимание...

В поисках литературы, так или иначе, имеющей отношение к буддизму, я натолкнулась на Олдоса Хаксли, который до этого был мне знаком в основном по антиутопии «О дивный новый мир».

Его «Вечная философия» — это великолепный обзор духовного наследия всех мировых религий, подкреплённый каноническими текстами и затрагивающий самые важные вопросы нашего существования, такие как самопознание, свобода воли, просветление.

Хаксли пытается найти объединяющее начало между различными религиозно-философскими течениями — ответы на извечные вопросы смысла бытия. Эта титаническая работа включает в себя огромное

количество цитат и высказываний практически из всех религий и философских концепций. Блестящая книга! Но... прочитываю страница за страницей, а «клика» не происходит... Мне не хватает интереса...

Мы гуляем по территориям обоих Храмов, но и здесь всё больше напоминает тот самый Диснейленд – раскрашенные, узнаваемые и совсем не внушающие трепета образы. Да ещё мешает воспоминание о фильме, виденном на выставке в Лондоне, пару лет тому назад.

В некотором государстве живут крысopodobные, убогие существа. Живут они в ужасных условиях, нище, бездуховно и единственное их развлечение и идеал – это телевидение, с красавицей ведущей, рекламирующей недоступный им мир. Однажды в стране начинается эпидемия. И без того отталкивающие внешне существа, превращаются в покрытые струпьями и гнойниками тени. Только образ недостижимой красавицы даёт им силы продолжать жить, но болезнь беспощадна. Ведущая тоже заболевает. Они обмануты, напуганы, растеряны. Вот тогда-то и появляется проповедник, обещающий им просветление, покой и нирвану... А за его спиной образ Будды, именно того, что здесь.

Вопросы не рождаются. Нет ощущения святости, значимости, таинства... Возможно Таиланд не совсем подходящее место?

По вечерам мы смотрим фильмы. На израильский сериал «Катманду» наталкиваемся случайно. Впрочем...

Диалог из него, который я позволю себе привести со стенографической точностью, происходит между раввином, приехавшим вместе со своей женой создавать «Бейт Хабад» в Катманду и монахом, тоже израильтянином, уехавшим из Израиля после службы в армии и выбравшим буддизм в качестве своего нового жизненного пути. Оба молоды, порывисты и искренне преданы своему выбору. Монах вынужденно оказывается в доме Хабада, да ещё и попадает на праздничное застолье, которое традиционно собирает вокруг стола всех израильтян, находящихся на этот момент вдали от дома. Их словесный поединок начинается с нежелания монаха присоединиться к всеобщему празднованию, с отказа петь со всеми, с отказа принимать свою принадлежность к иудаизму. Это всего лишь эпизод в фильме, не попади он мне на глаза в нужный момент, я бы наверно и не обратила на него внимания. Фильм о другом и интересен сам по себе, но этот диалог очень

органично вписался в нашу поездку, Здесь и Сейчас, спровоцировав возрождение интереса, несколько поутихшего в последние дни.

*****

Раввин — Что выше иудаизма? Буддизм?

Монах — В буддизме ты учишься состраданию ко всем живым созданиям.

Раввин — А в иудаизме?

Монах — Тебе не нужно учиться состраданию.

Раввин — Потому что у тебя, как у еврея, это есть естественно.

Монах — В иудаизме есть сострадание? В иудаизме все по закону. Тебе приказывают, что делать. Это не идет от свободной воли.

Раввин — А что предлагает буддизм?

Монах — В буддизме ты учишься понимать другого. Сочувствовать страданию другого.

Раввин — Как ты хочешь помочь ему? Повинуясь только велению сердца? Не опираясь на знания, понимание, мудрость?

Монах — Сразу ты начинаешь выстраивать уровни. Конечно могу!

Раввин — Если ты дашь покаяние повинуясь только велению сердца, ты дашь только тому, кто вызывает лично у тебя чувство сострадания.

Монах — Чувства – это хорошая вещь. Так?

Раввин — Смотря, кто ты... Человек чувствительный не обязательно искренний. Нет? Если ты проживаешь свою жизнь только по чувствам, тебе будет очень сложно действовать по справедливости, а подаяние – это вопрос справедливости, правды, а не жалости.

Монах — Я хочу приблизиться к пониманию мироздания сердцем. Я хочу по-настоящему почувствовать. Иудаизм просто не позволяет этого.

Раввин — Ты понимаешь, что ты просишь? Ты просишь понимания только для себя самого, для своих ощущений. Сострадание, которое ты так славешь – это возможность удовлетворить только себя. Мы должны давать, должны жертвовать, но нам не нужно ощущение, какие мы хорошие, от того, что делаем это. В иудаизме, даже если у тебя есть жалость к кому-то, ты не ставишь это себе в заслугу. Так и в буддизме? Возможно отказаться от Эго?

*****

В чем-то это перекликалось с книгой Хаксли. Давало ниточку, ухватившись за которую можно было начать разматывать клубок, задавать вопросы, искать ответы, сверяясь со своим внутренним ориентиром, корректируя его. Всё вернулось на круги свои и наполнилось смыслом. Здесь и Сейчас!

Вечером наша часть острова погружается в кромешную тьму. Плотной пеленой она окутывает дома, опустевшие дороги и пляжи, стирает все краски с цветов и деревьев. Величественные Будды исчезают в тяжелых складках её плаща, и остров кажется покинутым. Только на море, недалеко от берега мерцают тусклые огни пришвартованных рыбацких кораблей и лодок. По воле волн и ветра, они раскачиваются, разворачиваются, то вправо, то влево и, порой кажется, что они танцуют под звуки одной лишь им слышимой мелодии. «Там на ужин били склянки...»

Прогулка вдоль проезжей дороги, в такое время, сквозь тьму — это целое приключение. На острове нет тротуаров. Проезжая часть переходит в густые заросли травы и кустарника. Днём приходится лавировать между хаотичным потоком транспорта и этими низкорослыми джунглями, а ночью идёшь на ощупь, опасаясь наступить на что-то неведомое, и редкие, запоздалые мотороллеры, обдают тебя потоком горячего воздуха с пылью и спят мимолетным светом своих фар.

Здесь нет праздно гуляющих туристов, площадей с бродячими музыкантами, уютных кафе. Здесь всё по-настоящему и ночью мир погружается во мрак. Говорят, что где-то в центре острова есть много света, музыки, веселья, но это там... в глубине. Здесь же, даже Будды растворяются без остатка во тьме. Для меня это загадка. Привычные для меня Храмы запада, искусно подсвеченные в темное время суток, поражают воображение. Они парят и властвуют над городами. Ночью, ещё сильнее, чем днём, подчеркивая своё величие и величие. Мы привыкли к серьёзности самой идеи веры, к неременному страданию, искуплению, преклонению и непостижимости. В темноте привычного мира, вера — это прибежище, спасение. А здесь? Днём это выглядит забавно, наивно и почти по-детски, а ночью... исчезает совсем...

В местном колорите нет привычного нам ощущения уюта, романтики, добротности. Может именно это и притягивает сюда многочисленных туристов со всего света? Всё по-настоящему... Без красот?

Почти каждый вечер, до наступления темноты мы посещаем большого Будду, а потом, испытывая судьбу в кромешной придорожной тьме, направляемся в ближайший к нашему курорту ресторан. Одноэтажная, грубо сколоченная хибара, в которой находится кухня с большим окном наружу, переходит в открытую площадку с земляным полом и соломенной крышей. Внутри множество беспорядочно расставленных столиков под красно-белыми клетчатыми скатертями. В первый же день,

наткнувшись на него, мы обратили внимание на обилие европейских лиц и, памятуя наставления детей, что это лучшая гарантия и качества и безопасности, свой первый ужин вкусили здесь. Молодой человек, с радушной улыбкой, проводил нас до свободного места и, наряду с приборами и меню, принес спрей от комаров.

— Вы ведь ещё новенькие? — очень точно заметил он.

Статус новеньких держится один день. Назавтра мы уже постоянные посетители, нам больше не приносят спрей от комаров, но зато помнят наши предпочтения и вкусы.

Днём мы держимся особняком. Загораем, читаем, плаваем, гуляем, иногда, просто наблюдаем за происходящим вокруг. Есть в этом своя прелесть...

Рядом с нами обычно располагается пара неопределённого возраста. Их кожа выглядит просушенной и задубелой от длительного пребывания на солнце. У него некогда спортивное тело, неотвратимо теряющее свою упругость, она немного старше и единственная на всем пляже загорает топлес. Обычно они здесь с самого утра до захода солнца. Читают, играют в карты. В их движениях сквозит что-то, что сразу определяет их в статус любовников.

Мужчина необъятных размеров, с крупной головой и благородной шевелюрой. Его жена, щуплая, стареющая хиппи. Её седые волосы заплетены в две тонюсенькие косички, середину шеи опоясывает татуировка в виде крупной цепи, а крохотный отдельный купальник с ромашками, явно из далекого прошлого, только подчеркивает дряблость и увядание тела. Она очень бережно ухаживает за мужем и всем желающим рассказывает, как было страшно, когда он совсем недавно перенес инфаркт и как она благодарна за каждое его движение сейчас. Муж, тяжело ступая, заходит в бассейн, доходит до дальнего края, там, где вода через бордюр переливается в желоб и обеими руками начинает отбивать ему одному понятный ритм. Сначала это просто раздражающие хлопки по воде, но постепенно они перерастают в сложную музыку и становятся неотъемлемой частью и этого пляжа, и моря, и всей этой пасторальной картинке отдыха и свободы. Он неотрывно смотрит на море, ладони неустанно отбивают ритм и в его застывшей фигуре, сосредоточенном взгляде и непоколебимом покое, проглядывает Будда.

— Нарисуй мне девочку, — трогает меня малышка лет трёх. Её мама стоит рядом и смотрит немного растерянно.

— Мне это в радость — говорю я ей и иду рисовать.

— Как тебя зовут?

— Дуняша — отвечает это солнечное создание.

— Евдокия — поправляет мама.

— Значит мы будем рисовать Дуняшу?

— Да, но только с мамой. Нарисуй Дуняшу, а потом маму.

Я рисую человечка в платье, с кудрявой головкой.

— Нравится? — малышка смотрит внимательно.

— У неё нет носа — говорит она недовольно.

— А зачем нужен нос? — интересуюсь я.

— Для цветочков! — звонко выкрикивает Дуняша — Как я буду их нюхать без носа? Ты что не понимаешь?

Молодая пара сидит около бассейна. У них все атрибуты сегодняшней свободы: татуировки, метал в бровях и носу, бандана на голове.

— Сколько можно так жить? — в отчаяние спрашивает девушка — Ты все время твердишь, что у нас нет денег. Мы ничего себе не можем позволить! Сколько так можно жить? Мы не скопим на квартиру, экономя на всём. Мы просто пропустим всю жизнь, дрожа и надеясь. Я хочу жить, путешествовать, радоваться...

— Ты ведь сама говорила, что мы не можем иметь детей, пока у нас не будет стабильного положения. Ты ведь сама говорила. Я просто пытаюсь что-то сделать... Потерпи, ну хоть немного. Наберись терпения...

— Вечные деньги, деньги, деньги — на глазах у неё выступают слёзы, а он опускает голову.

Так они и сидят, не предполагая, что кто-то мог услышать и понять их диалог. Они говорят на иврите и я, с трудом, сдерживаю улыбку. Как мне всё это знакомо, близко... понятно... Вечные истины...

В бассейне неожиданно шумно и оживленно. Три поколения китайской семьи. Двое детей, мальчик и девочка, вместе с папой и мамой, с братом мамы прыгают в воду. Брызги летят во все стороны, смех, незнакомый говор, весёлые соревнования. Бабушка и дедушка, при полном параде сидят на шезлонгах. В их глазах столько гордости, радости и умиления, что, глядя на них невозможно удержаться от улыбки. Всё понятно и так: семейные связи, причина радости, отношения... вот только китайцы они или из какой другой восточной державы — вопрос спорный...

Кого тут только нет? Вечером мы встречаем знакомые лица в том самом ресторане. Мы знаем друг друга в купальниках, теперь можно и по душам поговорить.

— Простите, я слышу вы говорите по-русски, но вы не выглядите как русские — обращается к нам по-английски мужчина с соседнего столика.

— Да, мы из Бельгии, а ещё мы израильтяне.

— Как здорово! Значит с вами можно говорить без опаски! — облегченно произносит наш сосед — Я тут один и я из Германии. Вы слышали, что сегодня происходит в моей стране? Это ужасно! Правые националисты приходят к власти! В моей стране... Вы можете понять меня лучше всех.

— Почему вам так важно, что мы не русские? — спрашиваем мы.

— Меня пугают их патриотические чувства сегодня. Они стоят стеной за то, что у них происходит. Это страшно. Боюсь, что всё опять возвращается. Как жалко. Почему нельзя жить по-иному.

— Простите, вы говорите по-французски? — вопрос с другой стороны.

Пара из Франции хочет поделиться своим открытием — У нас тут жара и благодать, а в Париже выпал снег! Хотите посмотреть?

Мы смотрим снимки на экране мобильного телефона, качаем головами, удивляясь разнообразию мира и ведем беседу ни о чем, теперь уже на французском.

Каждый вечер в этом ресторане музыка вживую. Каждый раз новые исполнители, обычно на английском и, по-настоящему, классно.

Мы привыкаем есть без ножей, используя только вилку и ложку, как это принято в Таиланде и просим сделать нашу пищу максимально острой, ни меньше четырёх, по шкале от одного до пяти.

Поздно ночью мы засыпаем, проникая друг в друга, и наша огромная кровать несёт нас по волнам наших снов.

-18-

Благослови зверей и детей, да и всё вокруг

— Делай как папа, — серьёзно говорит молодой папа француз своему сыну. Малышу не больше трёх. Они сидят у постамента одного из

многочисленных индийских богов, населяющих территорию буддийского храма. Папа демонстрирует позу лотоса и тщетно пытается посадить малыша таким же образом. Напротив, с фотоаппаратом наготове, стоит юная мама, терпеливо ожидая запланированной сцены. Это так просто, но малыш никак не может совладать с обилием своих ног и рук. Он старательно складывает ноги одна на другую, но стоит их только отпустить на секунду и заняться руками, как они опять взлетают в воздух и начинают меняться местами или просто разлетаться в разные стороны, радуясь свободе. Рукам тоже сподручнее хлопать в ладоши, чем молитвенно застывать перед грудью.

— Ну постарался, — упрасивает папа, пытаюсь легонько придержать непоседливые ноги малыша. Это ещё больше распаляет шалуна и он с восторгом начинает размахивать в воздухе и ногами и руками, при этом заливаясь заразительным смехом, привлекающим внимание немногочисленных прохожих. Мама понемногу начинает терять терпение, а папа с трудом сдерживает улыбку. Малыш невероятно потешен. Сейчас он как перевёрнутая букашка, беспорядочно дрыгающая всеми четырьмя лапками, заморожен неумной свободой своего тела и купается в любви умилённых родителей.

Чему же они пытаются его обучить? Йоге? Буддизму? Поклонению? Погружению в себя? Что значит «делай как папа», здесь и сейчас?

В крытом павильоне, недалеко от Храма, на небольшом возвышении замечая оранжевые очертания монаха. Перед ним на коленях сидит женщина. Справа от неё девочка лет семи, а на небольшом отдалении слева – подросток. Женщина что-то взволнованно говорит монаху, периодически указывая на сына, который обреченно сидит с опущенной вниз головой, крепко сцепив пальцы рук. Женщина замолкает. Монах обращается с длинной речью к подростку, в конце которой в воздухе повисает вопрос. Мальчик отвечает односложно, без энтузиазма и опять застывает в своей позе подневольного смирения. Монах терпеливо объясняет что-то матери, улыбается скучающей девочке, и продолжает увещевать нерадивого подростка. Мать согласно кивает головой. Вся надежда на него... на наставника...

Я, сторонний наблюдатель, развлекаюсь, примеряя различные наряды на монаха: раввин, священник, имам, учитель... Картина остаётся неизменной.

Мы гуляем по территории большого храмового комплекса, состоящего из трёх островов посреди искусственного озера.

На острове слева – возвышается огромная фигура японского бога Благополучия, Хотэя. Его небывалых размеров живот, длинные, до самых плеч, уши и широкая улыбка, лично мне, поднимают настроение. Говорят он приносит удачу, достаток и благополучие. Вокруг него, размером поскромнее, расположились индийские божества. У каждого своё назначение, своя символика. У подножия Хотэя, под охраной и защитой бога зверей, Кобры, сидит погруженный в медитацию Будда.

На острове справа царит китайская богиня Гуан Инь–покровительница женщин и символ милосердия. Она величественно восседает на цветке лотоса, лежащем на спине зеленого дракона и высоко в небо возносит все свои восемнадцать рук, в которых есть всё необходимое для защиты слабых и поддержки благополучия женской половины человечества. Верхняя пара её рук держит медитирующего Будду.

Буйство красок, образов, символики... всего помногу, вперемешку, в разную! Впечатление праздника жизни... Идиллия...

В озере много рыб, сомов, черепах. Каждый желающий может их покормить, купив в автомате предназначенный для этого корм. Желающих много, так что голодать этим созданиям явно не приходится, но это не мешает каждой кормёжке превращаться в настоящую битву, от которой пеной закипает вода. Рыбы набрасываются на пищу, агрессивно нападая друг на друга. Среди всей этой сытой пасторали их поведение вызывает удивление и... опускает на брэнную землю.

Перед входом на центральный мост, ведущий к буддийскому Храму, скульптура странников, катящих перед собой вечное колесо Сансары, смены жизни и смерти. Храм скользит по водной глади на цветке лотоса. Входим во внутрь. Первое, что привлекает моё внимание это яркие, красочные фрески, повествующие о жизни Будды, затем взгляд переходит на алтарь с золотой скульптурой Будды, но по-настоящему захватывает и озадачивает совсем другое... Слева от входа, на небольшом возвышении, монах читает молитвы. Его взгляд устремлён неподвижно вперед, а голос многократно усиливается микрофоном. Молящиеся сидят на коленях или распластались на огромном ковре перед Буддой. Кроме людей здесь ещё и... собаки... Они мирно лежат рядом с хозяевами, положив головы на

передние лапы, изредка лениво реагируя на вновь входящих. Сам факт их присутствия в святом месте...

Кажется, впервые за всё наше путешествие, я начинаю понимать основное отличие этой веры от всех прочих. Толерантность ко всему и ко всем. Можешь поклоняться любым богам – ты будешь всё равно здесь желанен и принят. Оставайся собой – тут для тебя всегда есть место. Собака в Храме – святотатство в любой, известной мне, монотеистической религии, здесь... благослови зверей и детей ...

А что до утверждения, что только идущий дорогой Будды будет спасен в этом мире... Об этом в следующей главе...

-19-

Лирическое отступление о счастье

Скажите, хотели бы вы жить в мире устойчивости и стабильности? В мире, где люди счастливы, потому что они получают всё то, что хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут. В мире, где они живут в достатке, в безопасности; не знают болезней; не боятся смерти; блаженно не ведают страсти и старости; им не отравляют жизнь отцы с матерями; нет у них ни жен, ни детей, ни любовей — и, стало быть, нет треволнений.

Хотели бы вы жить в таком мире стабильности и счастья?

Первый абзац — это цитата из антиутопии Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», приведённая здесь без кавычек и в немного изменённой грамматической форме. Книга, к которой я вернулась сейчас, спустя много лет.

Тогда же, на острове Кох Самуй, греясь под лучами мягкого тайландского солнца и любясь красотой и покоем окружающего меня мира, я читала другую книгу, того же автора. Её название, как нельзя кстати, подходило к месту нашего пребывания, а содержание к цели моего поиска. «Остров» — книга, вышедшая в свет ровно тридцать лет спустя, после «О дивный новый мир». Прекрасная утопия, написанная как своеобразное духовное завещание автора. Мир, созданный на основе буддийской философии на одном, отдельно взятом острове. Здесь всё продуманно, гуманно, наполнено простым и правильным смыслом. Аграрная жизнь и воплощённый коммунизм, но без принуждения, без неистовства. Отсутствие боли, семейных конфликтов, религиозного энтузиазма.

«Дай же, нам, Господи, нашу насущную веру, но избави нас от верований»

В книге есть и интрига и напряжение, но они второстепенны. На первом плане — повествование об идеях и принципах, заложенных в основе островного мира. Читаю с интересом, сверяюсь с уже знакомым, отрываюсь в поисках дополнительной информации о новом. И вдруг... déjà-vu, ощущение уже виденного, до боли знакомого... Где-то из самой глубины поднимается страх, уже пережитый однажды. У каждого свой страх — помните по Орвеллу? Для меня это страх перед предопределённостью, усреднённостью, подчинению индивидуумов некой «единственно верной» идее, какой бы благородной и щадящей она ни была. Любая Идея с большой буквы, требует отказаться от чего-то, пожертвовать чем-то. Вопрос только чем... А ведь согласитесь, стабильность и счастье — звучат так заманчиво...

«О дивный новый мир» — антиутопия, воплотившая в себе все негативные тенденции, увиденные Хаксли в современном ему мире, в тридцатых годах XX-го столетия. «Остров» — утопия, идеальное общество, полная противоположность, описанного в первой книге, как ни странно, вызвала у меня те же опасения и страхи.

Между книгами очень много общего и в построении, и в темах, которые разбираются автором. Это закономерно, так как самой человеческой природой заложено всегда стоять перед решением одних и тех же задач, извечно искать ответы на одни и те же вопросы.

В обеих книгах описан некий уникальный мир. В первом случае, это государство занимающее огромное пространство в далёком технологически развитом будущем, во втором – это небольшой остров, окруженный со всех сторон враждебным к нему капиталистическим миром потребления и агрессии. В обеих книгах большая часть повествования посвящена описанию устройства общества, истории и предпосылкам его создания, угрожающим ему опасностям. В каждой книге есть пришелец извне, глазами которого нам и предлагается увидеть описываемый мир, а ещё есть некто, стоящий на вершине власти, в первом случае, или у самых истоков — во втором. Некто, мудрый, хорошо образованный, способный самостоятельно мыслить и принимать решения, тот, практически единственный, дающий ответы на все вопросы, которые могут возникнуть у чужака. В обеих книгах есть бунтари и вольнодумцы, только в первом случае, общество пытается от них избавиться, отправив на удалённые острова, а во втором — бунтарь, волей случая, наделенный властью, ведет к гибели мира, морально не готового себя защитить.

В чем же идея создания обоих миров? В стремлении освободить человечество от страдания и боли.

«...несчастья человека проистекают из состояния его души. Вы к чему-то прилепляетесь, чего-то страстно желаете, отстаиваете свои права — и живете в созданном вами аду. Стоит вам только отрешиться от желаний, и в душе наступает мир. «Я покажу вам страдания, — сказал Будда, — и я покажу вам конец страданий».

Откуда же возникают наши страдания? Где их начало?

Естественно, первоначально, это семья. Вопросом семьи, а точнее её упразднением как таковой, заняты обе книги. Легче всего, просто, производить человеческие особи на конвейере, в бутылках, и превратить в непристойные ругательства такие слова как Мать, Отец, Рождение. Можно решить и по-другому, предоставив ребёнку с рождения, помимо своей пары родителей, ещё десятка два семейных ячеек, которые он будет

выбирать по своему усмотрению, если ему будет неудобно или неинтересно в своей биологической семье.

Перенаселение – одна из самых больших проблем любого общества. Контроль над рождаемостью – первостепенная задача в любом из миров. Когда создание человеческих особей поставлено на конвейер, этот вопрос решается просто. Здесь ещё и огромные возможности создания необходимых в хозяйстве людей, тех, которые будут выполнять возложенную на них работу и желать лишь того, что могут получить по статусу. На острове вопрос перенаселения стоит острее, но тут на помощь приходят контрацептивы, раздаваемые государством бесплатно каждый месяц. А что же с любовью, с сексом? В любви не должно быть ни запретов, ни сдерживающих начал. И это хорошо! Секс же необходим для снятия напряжения и поддержания тонуса. У людей, выращенных в бутылках и заранее неплодных, он обязателен, причём с непременной сменой партнёров. У живорождённых островитян существует практика любовной йоги, постижение себя и партнёра, без нежеланных беременностей. *«Сознание преобразует и любовь. Занятие любовью становится йогой любви.»* Этой йоги обучают в школе, с детских лет. Разве не об этом мечталось нам когда-то? Дозволенность секса, свободная любовь – вот и ликвидирована ещё одна преграда на пути к счастью.

На чем держится любая религия? На стремлении достичь совершенства, некой заоблачной, практически недостижимой цели. Человек слаб и достижение цели даётся ему путём самоограничений, преодолений и страдания. Если убрать всякую религию и сделать любую цель достижимой, то приблизиться к счастью будет ещё проще. В обеих книгах религия устранена, по крайней мере, по утверждению автора. Но разве истовая вера в любую Идею, не является формой религии, пусть даже её боги и не стоят в привычном Пантеоне богов.

В обеих книгах, там, где не работают теории, на помощь приходит химия, рекомендуемые к употреблению наркотики. У них разные названия и даже их действия и цель использования описаны по-разному, но в основе своей, это что-то уведящее от реальности, дающее состояние покоя и блаженства.

Химия и биология – единственные отрасли науки, допущенные в обоих мирах, так как они способствуют усовершенствованию человеческого материала.

Книги всесторонне разбирают все возможные аспекты нашей жизни: отношение к смерти, к одиночеству, к общности, всеобщей занятости, потреблению, науке, искусству...

Их нужно читать одна за другой и почаще оглядываться вокруг... Мне порой казалось, что утопия и антиутопия давно уже внедрились в нашем мире. Как добро невозможно без зла, так и обе эти модели существования это только вопрос выбора. Можно и так и эдак...

Так чем же мы жертвуем? От чего должны отказаться, получив взамен вечное счастье и стабильность?

Искусство? Литература? Наука? – просьба не путать с технологиями. Всё то, что подразумевает сильные эмоции, страсть, взлёты и падения, отчаяние и вечный поиск, жизненный опыт. Всё, что требует независимой мысли, принятия неординарных решений, готовности идти наперекор, чрезмерности, присущей гениям. Всё, что лишено утилитарного подхода и кажется порой безумным... Счастье созидającego – это только краткий миг достижения, если повезет, а за ним опять череда поиска и страданий... Живущие в стабильности и счастье, поймут ли его?

Как ни заманчиво выглядит Остров, как ни привлекательны идеи, на которых он базируется, его существование невозможно без глубинного переформирования личности, без создания особой, нивелированной категории людей. Оно требует первоначального и безоговорочного согласия с тем, что только такая форма существования правильна. Первопроходцы обладают достаточными знаниями, идеалами и осознанным стремлением к достижению оных. Последующие поколения обычно мельче и примитивнее, принимают predeterminedённую им жизнь как что-то само собой разумеющееся. Если в них загорится искра юношеского бунта, они неизменно захотят перемен, а если в них, в самом зародыше, будет предотвращена такая опция, то... перечитывай «О дивный новый мир».

*****

Я закрыла обе книги. Оглянулась вокруг. Справа замелькало счастье по первой модели, слева — по второй. Счастье ведь! И стало мне страшно...

-20-

Интеллектуальная беседа

Было что-то мистическое в этой поездке... Какова вероятность того, что выбирая книги на отпуск, я остановлюсь именно на этих? В поисках буддийских тем в Интернете, я набрела на «Вечную философию» Хаксли, которого до этого знала как автора всего одного произведения, и, чисто из любопытства, скачала его последнее творение «Остров». Памятуя, что электронные книги очень неудобно читать на пляже, я решила взять обычную книгу и, без особых размышлений, протянула руку к «Платформе» Уэльбека. Таиланд, поиск идеального счастья, буддизм — чисто по теме. В чем же мистика? Впрочем, судите сами...

Мой роман с Мишель Уэльбеком начался давно, причем с левой ноги. «Элементарные частицы» — книга, принеся скандальную славу её автору, не затронула, не поразила и не очень отложилась в памяти.

— Потрясающая книга! — воскликнул мой папа, вызвав удивление на моём лице.

— Ты серьёзно? Мне так не показалось...

— Так перечитай! — бросил он, без всяких комментариев, и опять углубился в чтение.

Я не перечитала, но продолжила, с завидным постоянством, покупать всё выходящее из-под пера автора. Книжки стояли на полке, ожидая своей очереди, до того момента, когда мне попала в руки не совсем обычная книга. «Враги общества» — это переписка двух наиболее скандальных и значимых авторов сегодняшней Франции: Бернар-Анри Леви и Мишель Уэльбека. Одного причисляют к крайне правым, другого к крайне левым и реакция на каждого из них обычно бурная и легко предсказуемая. Вот только их письма, их душевный разговор выявляют нечто неожиданное... Очень человеческое, откровенное и никак не вмещающееся в рамки лево-право. Скандальность вдруг кажется неуместной. Не желание шокировать, а непреодолимая потребность привлечь внимание к тому, что по-настоящему важно и судьбоносно. Особый дар гениев — улавливать едва зарождающиеся вибрации мира и предвидеть грядущее. Эта книга стала для меня ключом к пониманию творчества Уэльбека и, во многом, к осмыслению реакции папы на его книги.

В «Платформе» Уэльбек остается верен себе. Западный мир сегодня. Размеренная, комфортная жизнь, без особых обязательств, потрясений, стремлений — отстранённое созерцание, привычная депрессивность... Главное найти какой-то повод для существования, поставить легко и приятно достигаемые цели, заполнить излишки свободного времени. Туристические агентства, перед которыми поставлена задача как создания предложения, так и обеспечения спроса, обращаются к теме сексуального туризма. Мир ощущений, вседозволенности, окончательного раскрепощения. Неприкрытая потребность в наслаждении, в эмоциональном удовлетворении, в желании быть нужным, не испытывая нужды в ком либо. Секс, практически порнография, — обнаженность не столько тела, сколько души, незащищенность, апатия. Сцены секса —

сцены максимального доверия как к партнеру, порой едва знакомому, так и к читателю. Вот я весь, в реальную величину, со всем что мне присуще, человеческого, звериного, без стеснения, без позы. Так я люблю, так мыслю, так существую... Если немного отойти от привычного приятия мира, от давно устаревших норм, которые все больше и больше отходят в прошлое, если взглянуть на сегодняшнее поколение молодых, для которых интимные отношения вовсе не являются чѐм-то необходимым, желаемым, эти описания сцен любви и секса подобны предсмертному зову умирающего вида, призыв к близости и познанию другого последним, пока ещё доступным методом. Живи и дай жить другому – само собой разумеющийся принцип свободного, сытого, либерального мира. Лепота! — как бы воскликнул один мой знакомый. Но... всё это возможно только в мире, где все, без исключения, согласны жить на предлагаемых условиях, а это уже утопия... Проблема, что этот погруженный в себя мир, окружен идеологически непримиримыми силами, для которых жизнь не имеет значения, для которых идея и вера превыше любой человеческой сути. Жизнь, лишенная реальной цели, против одержимых единой верой, готовых погибнуть ради неё и несущих смерть. В столкновении этих сил западному миру ни выжить, ни выстоять.

Чем дальше я читала, тем сильнее было ощущение знакомого. Несмотря на внешние различия, эта книга опять и опять возвращала меня к «Острову» Хаксли. Утопия и реальность переплетались, причудливо соединяясь в одно целое и логически неразрывное. Болезненное желание обрести покой, счастье, благоденствие, без особых катаклизмов и потрясений. Уйти во внутренний мир «Здесь и Сейчас», отказавшись от всего, что назревает и подступает снаружи. Пусть где-то там бушует радикализм, пусть наше будущее не способно на продолжение, мы сосредоточимся на ощущениях, погружениях. Нам не защититься в любом случае — лучше не вдумываться. Эти параллели заинтриговали меня. Я перебирала в уме все прочитанные книги Уэльбека и, в очередной раз, восхищалась его храбростью, бескомпромиссным стремлением поделиться своей неудобной правдой в слишком вызывающей упаковке, с миром, грозящим уничтожением таким, как он. Уэльбек не единожды подвергался нападкам и уже много лет вынужден жить за пределами Франции, именно по этой причине.

Размышления над этой книгой напомнили мне тот давний разговор с папой. Из всех прочитанных книг Уэльбека, только та, первая, полностью стерлась из памяти. Тоскуя по папе, по нашим разговорам о важном, я,

наконец-то, решилась последовать его совету и перечитать «Элементарные частицы».

Есть особое очарование в чтении рекомендованной книги, двойное погружение: в мир книги и в мир человека, давшего рекомендацию. Второй раз я читала уже не столько Уэльбека, сколько папу, выискивая те мысли и идеи, которые могли заинтересовать и поразить его. Я прочитывала целые отрывки вслух и понимала, как близко было ему сказанное. Но самое главное открытие для меня заключалось в том, что одним из персонажей был не кто иной, как сам Олдос Хаксли – предсказавший тот мир, о котором пишет Уэльбек в своих книгах. Целая глава посвящена не просто разбору книги-предвидению «О дивный новый мир», но и сравнению её с поздним видением Хаксли, с его же «Островом». Под каждым словом могу подписаться и то, что я обнаружила это после написания предыдущей статьи, что греха таить, грело душу. Уэльбек пространно рассуждает и о движении хиппи, в котором, не без основания, видит зачатки и причины нынешних изменений общества. Это не о том эфемерном движении, в которое играло мое поколение в советские времена, а о реальном, со всеми его иллюзиями, переборами и достаточно плачевными результатами. Поклонение молодости, упругому телу, чувственности, не могло перейти на следующий этап взросления, не предполагало такого перехода. Вместо этого оно создало ещё один болезненный комплекс: страх перед недолговечностью молодости, неизбежностью старости и неотвратимостью смерти. В отсутствие веры, все эти вопросы стали дамокловым мечом поколения хиппи. Отринутая, привычная вера, оставила после себя пустоту, которую необходимо было заполнить. Как часто сегодня я слышу, что буддизм это вовсе и не религия, это личный Путь, это постижение... В моем воображении сразу возникает образ Гаутамы из Германа Гессе, но реальность приводит в Храмы и к толпам коленопреклоненных перед золотыми изваяниями Будды. Поклонение, молитва, чем не вера? На закате эпохи хиппи появляются множество сатанинских сект, жаждущих максимально жестоких эмоций, провозглашающих вседозволенность, запредельную планку ощущений. Там, где мне виделась только свобода, зарождались все симптомы нынешних времён: обособленность, отрицание взросления, страх перед старостью и новая религия, которую предпочитают называть Путь. В «Элементарных частицах» Уэльбек дал теоретическую, научную базу для создания реального «Дивного нового мира», описанного Олдосом Хаксли

шестьюдесятью пятью годами ранее... Магический круг замкнулся! Так и вижу папину победную улыбку: «Я же сказал: Перечитай!»

«Остров» Хаксли и «Платформа» Уэльбека, немного о другом... о тех силах, которые готовы разрушить всё на своём пути, во имя некой Идеи, будь то гонка вооружения или воинствующая религия.

Так о чем же предупреждает Мишель Уэльбек? Об опасности добровольного исчезновения человеческого рода? О необратимости процесса создания нового типа людей, живущих исключительно для собственного удовольствия, без целей, без отрицательных эмоций и без излишних убеждений? О неминуемом нашествии новых варваров, вооруженных тоталитарной идеологией, прославляющих смерть и преисполненных не дюжей силой? Мой папа боялся последнего... до самого своего последнего дня...

Но не стремимся ли мы к созданию Рая на земле по Хаксли? Как говорит один из героев книги Уэльбека *«Я знаю, что обычно мир Хаксли объявляют тоталитарным кошмаром, пытаюсь выдать эту книгу за разоблачение; это просто чистейшее лицемерие. По всем пунктам – генетический контроль, свобода пола, борьба со старостью, цивилизация развлечений – «О дивный новый мир» рисует нам рай, в точности такой, достичь которого мы пытаемся, пока что безуспешно. Есть только один фактор, несколько противоречащий нашей системе ценностей, – это разделение общества на касты, по своей генетической природе предназначенные для разных работ. Однако это безусловно единственный пункт, в котором Хаксли оказался плохим пророком; это равным образом единственный пункт, который становится почти бесполезным по мере развития механизации и роботизации.»*

Интересный вопрос... Не правда ли?

-21-

И Ад и Рай лишь в сердце моём

Подневольно, с душою взаимы,
Бродят тени средь божьего сада,
Рассуждая о судьбах земли,
В категориях рая и ада.

— Если бы мне два года тому назад кто-то сказал, что мои дочери будут ходить по пляжу в чем мать родила, я бы не поверил. Меня всегда возмущали родители, которые позволяют такое. Невероятно, но мы не можем справиться ... Им всего четыре года, а они уже диктуют нам свои условия... Чушь какая-то!

— Это только начало... — неожиданно резко реагирую я — Как говорит одна моя подруга, мы их учим говорить, а они нас молчать. Хотя... четыре

года – это, пожалуй, рановато – добавляю безжалостно, видимо, вдогонку каким-то своим мыслям.

Наш последний день на острове. На скамейке перед выходом из курортного комплекса молодая пара из России. Их ангельского вида девочки-близняшки, похожие как две капли воды, в самом что ни на есть первозданном виде, гордо дефилируют между камерой хранения и родителями, перенося огромные ананасы на вытянутых руках. Я уже несколько дней наблюдаю за этими малышками и знаю, что одну зовут Евдокия*, а другую Варвара**. Как их различают родители? Ума не приложу... Отец девочек продолжает сокрушаться своей беспомощностью, а заодно и рассказывает, что ананасы они собираются везти в Питер как подарок для всех родных и друзей, что ещё несколько лет тому назад даже представить себе не мог, что сможет повезти свою красавицу жену и детей в Таиланд...

В последний день я перегрелась на солнце и сейчас меня порядком трясёт. Пью воду литрами, под укоряющим взглядом мужа: «Я же предупреждал, что надо пить!». Мне не по себе, трудно говорить, озноб, но любопытство берёт верх.

— Почему вы назвали девочек такими именами? — этот вопрос не даёт мне покоя уже несколько дней.

— Так ведь это по характерам – охотно отвечает отец – Варвара — она стервозная, а Евдокия поспокойнее, но чуть что не так – сразу в слёзы. Только по характеру их и различаю, особенно, когда они голышом.

— Так вы именами предопределили им характеры? – удивляюсь я.

— Получается, да... – произносит отец, немного помедлив.

— Я их так еще в животе назвала – наконец-то вступает в разговор мать девочек – Одна всё время дрыгалась и толкалась, а другая была тихоней.

Два ангельского вида чертёнка с гордо поднятыми головами, продолжают своё дефиле, никак не реагируя на слова родителей. Кто из них Евдокия, кто Варвара? Поменяются характерами, и никто, никогда их так и не различит...

Я прячу свои мысли за очередной бутылкой воды, да и такси приезжает, как нельзя кстати. Возвращаемся домой...

Всего две недели... Сколько образов, мыслей, открытий запечатлелось в голове... Сейчас, по дороге в аэропорт, всё это прокручивается в обратном порядке и, видимо под впечатлением последнего разговора об именах близняшек, всплывает история о двух Храмах.

Жили на свете два Художника. Щедро одарил Бог каждого из них талантами, да и деньгами не обидел. Старший*** был учителем, философом, наставником. Шла о нем слава по всей стране и далеко за её пределами. Утверждали даже, что он – это новое воплощение Будды. На склоне лет задумал он воплотить в жизнь свою давнюю мечту. Купил участок земли, собрал всех своих учеников да собратьев по мастерству и закипела работа. Скоро уже целый мир возник посреди леса, с фантастическими постройками, скульптурами, композициями. Мир навеянный мистикой снов, шёпотом далеких звёзд, древней историей, таинством жизни и смерти. Цвет ему он определил черный – цвет способный поглотить всё сущее, но и впитать всё негативное, накопленное в людских сердцах... Не торопился Художник раскрывать этот мир для посторонних глаз. При его жизни найти это место было совсем не просто, а те, кто так или иначе попадали сюда, воспринимали этот уголок мира в соответствии с настроением своей души... Ибо место это, по задумке Художника, и было пристанищем Души. Кого-то оно пугало, отталкивало, кого-то успокаивало и освобождало от всякой скверны, наполняло новым смыслом... неизменно озадачивало...

И называли люди это место АДОМ на земле...

А младший**** мечтал о славе. Уже в самом начале своего пути, он объявил себя самым талантливым, самым великим, «самым-самым» и, неудивительно, что захотелось ему увековечить себя, построив Храм. Да не просто Храм, а нечто ещё невиданное, особенное, чтобы слава о нем гремела на весь свет и толпы посетителей приезжали специально поглазеть на Чудо. Главным своим цветом он выбрал белый – цвет чистоты, святости, величия. Кого только не поселил он здесь под пристальным взглядом Будды: Супермена, Батмана, Мики Мауса, Спайдермэна, Мак Дональдс... Всё вокруг ослепляло белизной, поражало обилием блестящего стекла и замысловатой лепнины, легко узнаваемой символики. Тут и там посетители натыкались на всевозможных

кинематографических супергероев, искусно смоделированных из стекла и металла. Только здание общественного туалета, под сенью цветущих деревьев, эффектно выделялось на фоне всеобщей белизны, своим золотым цветом. «Это будет самое посещаемое место на свете!» — объявил молодой Художник и оказался прав... Кто-то смотрел с любопытством, кто-то с усмешкой, а кто-то восхищался размахом, замыслом, новизной... эстетикой.

И назвали люди это место РАЕМ...

Чёрное – Белое...

***

«Не пытайтесь логически понять, в храме все таинственно.

Это чувство идет от сердца к сердцу.

Не спрашивайте о значении звезд в созвездии.

Это улыбка младенца в колыбели матери.

Сладкий аромат цветочной пыльцы — это произведение искусства.

Друзья мои...

В глубине моего мистического ума, приближайтесь к моему духу.

Слушайте стук моего сердца, без слов.»

Тхаван Дучани (О черном Храме)

---

*Значение имени Евдокия — благоволение, доброе желание.

**Значение имени Варвара — иноземка, дикарка, жестокая.

*** Тхаван Дучани — создатель Черного Храма.

****Чалемчай Коситпипат — создатель Белого Храма.

-22-

Наваждение Мадрапура

Дорога домой всегда мне кажется короче. Из пункта А в пункт Б **целых** двенадцать часов полёта, а из пункта Б в пункт А — **всего** двенадцать... Отпуск закончился. Путешествие подошло к концу, ни приключений, ни открытий больше не предвидеться... Самое время сделать глубокий вздох и умиротворённо заснуть, до самого порога дома.

В местном аэропорту Кох Самуй нас ожидает крошечный самолётик с тремя откидными ступеньками.

— Мы правда полетим на этом? — недоуменно вопрошает, стоящая рядом со мной женщина. Как по команде, лица вокруг расплываются в смущённых улыбках. Подтрунивая друг над другом, — о, великое братство обречённых! — мы поднимаемся в салон самолёта, который, в ровно назначенный срок, лихо взлетает в направлении Бангкока. Нам лететь не более двух часов, но нас по всем правилам кормят, поят и неизменно радужно улыбаются. Неожиданно замечаю знакомое лицо.

— А мы уже с вами летали – говорю я бортпроводнице, предлагающей нам еду. От неожиданности она вдруг начинает извиняться, что, к сожалению, не помнит нас. Она смущена и польщена одновременно. Позже, по дороге из туалета, я опять сталкиваюсь с ней. Она спрашивает меня о нашей поездке, о том, что нам понравилось, что удивило... разговариваем как старые друзья... Эта неожиданная задушевность, расположенность, застают меня врасплох.

— На каком рейсе вы летели со мной – спрашивает девушка.

— Из Бангкока в Чанг Май – отвечаю я, но слова вдруг приобретают иное, незнакомое звучание, время потоком отбрасывает назад и предательски сжимается сердце... — Как давно это было...

— Как давно это было? – спрашивает она.

— Полторы недели тому назад...

— Да, это тоже моё направление – неделю в Кох Самуй и неделю в Чанг Май. Жалко, что я вас тогда не запомнила. Странно, что вы запомнили меня? Обычно нас не замечают.

— Ты особенная, не такая, как все. Я ещё никогда не вела такие разговоры в самолётах – улыбаюсь я ей.

— Вы ведь прилетите ещё? Я теперь вас запомню и, непременно, узнаю! Вам ещё столько тут надо посмотреть!

Мы даже обнимаемся на прощанье...

— Теперь я вас не забуду – говорит она, прощаясь с нами.

До дома ещё два перелёта-перебежки. Совсем немного.

Суперсовременный лайнер Объединённых эмиратов приглашает нас на свой борт и тут мы обнаруживаем, что наши места, вернее одно из них, у окна, занято. На наши удивленные взгляды женщина отвечает на чисто русском языке, что она инвалид, что её практически занесли в самолёт, что она не может сидеть в проходе, что ей нужна постоянная помощь и

сопровождающий рядом на время всего полёта. И русский язык, и вся ситуация приводят нас в ступор. Что происходит? Женщина выглядит совершенно здоровой, но утверждает, что у неё нет рук, что она не может самостоятельно есть, что сдвинуть её с этого места не представляется возможным. Проходящие стюарды пребывают в полной растерянности, не понимая, как она очутилась на этом месте и никак не могут решить, что с нами делать. Мы пытаемся возмущаться, но тот факт, что мы имеем дело с человеком, объявляющим себя инвалидом, лишает нас уверенности в своих правах. Двое сопровождающих, сидящих у прохода в среднем ряду, хранят подозрительное молчание. Вдруг перед нами появляется русскоговорящая стюардесса, предлагающая перевести нас на другие места. Мы тщетно пытаемся выяснить, почему именно наши места заняты. Она что-то пытается объяснить, но как-то невнятно, путанно... Остальные стюарды проходят мимо, пытаюсь не встречаться с нами глазами.

— Вы можете сесть рядом с этой женщиной, но тогда вам придётся её кормить – говорит бортпроводница – вы ведь видите, что у нее нет рук.

Две руки мирно лежат на коленях у женщины, сопровождающие сосредоточенно смотрят прямо перед собой, стюардесса выжидающе смотрит на нас, а мы, парализованные словом «инвалид» пребываем в сомнениях.

Самолёт уже готов к отлёту, а мы всё ещё не знаем куда нам садиться.

— У нас есть места в отсеке для стюардов. Вам там будет удобно, и вы там будете совсем одни. Решайте скорее.

Так, неожиданно для себя, мы оказываемся в конце самолёта, в отсеке персонала. Кресла тут чуть менее удобны, шум мотора слышнее и трясёт больше. Проходящие стюарды удивлённо смотрят в нашу сторону, а мы ещё с большим удивлением смотрим друг на друга. За иллюминаторами опускается ночь, перед глазами индивидуальные экраны телевизоров, на подносах более чем сносная еда... шесть часов вполне можно пережить. Я засыпаю...

— Мы уже подлетаем – будит меня голос мужа. В иллюминатор можно разглядеть дома, стоянки машин, паутину дорог... картины проплывают перед глазами один раз, потом ещё раз, потом ещё... Самолёт

разворачивается, раз за разом показывая всё те же пейзажи, дороги, дома... Мы кружимся на месте, на одной и той же высоте, под нарастающий гул возмущения, поднимающийся над пассажирскими креслами впереди нас... Аэропорт Дубая переполнен и нам не дают разрешение на посадку. Повторяющиеся развороты самолёта заворачивают и пугают... У нас всего полтора часа на пересадку... Больше чем пол часа в подвешенном состоянии – это не только метафизический ужас, это вполне реальный страх опоздать на следующий рейс.

У каждого человека есть свои тайные страхи, наваждения. Помните, по Орвеллу? Каждый раз, как только я переступаю порог аэропорта, меня охватывает наваждение под названием Мадрапур – выдуманное имя, несуществующего государства, где-то в глубинах Индии. Представьте, что в один прекрасный день вы получаете авиационные билеты. В обозначенный день вы приезжаете в аэропорт и с удивлением обнаруживаете, что он совершенно пуст, ни пассажиров, ни обслуживающего персонала, никого. Как мираж, откуда не возьмись перед вами появляется стюардесса, предлагающая пройти за ней, предварительно оставив свой багаж и освободившись от всех идентифицирующих вас документов и от имеющейся личности.

— Вас уже все ждут – говорит она вам, не оставляя времени на сомнения и раздумья. Её деловитость, настойчивость, вкуче с располагающим дружелюбием, заворачивают и заставляют повиноваться против собственной воли – «искренность и лживость» одновременно. Именно так, главный герой, от имени которого ведётся повествование в книге Робера Мерля, попадает на борт самолёта, совершающего полёт из Парижа в Мадрапур. Его и правда ждут. В бизнес-классе салона самолёта он становится частью группы, таких же как и он, по воле судьбы или некоего рока, попавших на этот рейс. Единственной связью с внешним миром для всех для них отныне становится та самая девушка-стюардесса. Но есть ли тот внешний мир? Куда летят они в действительности? Летят ли вообще? Странный полёт преподносит немало неожиданностей, озадачивает, ужасает, а главное вынуждает освободиться от всего наносного, ложного, высвечивает истинную суть каждого, безжалостно срывая все покровы и ...

Полёт в никуда, пустота служебного отсека, стюардесса, с приветливой улыбкой сопровождающая нас куда-то помимо нашей воли, противостояние совести и сознания своих законных прав, парализующее

слово «инвалид», ускользающее время, беспомощность, вынужденная покорность... Наваждение Мадрапура становится всё навязчивей, весомее — от него уже невозможно отмахнуться.

Наконец-то наш самолет идет на посадку. Напряжение в салоне возрастает с каждой минутой. Мы далеко не единственные кто летит с пересадкой. Теперь все зависит от того, как быстро нам удастся выбраться наружу, найти нужную посадочную полосу и произвести все необходимые формальности. Стюарды с трудом удерживают пассажиров на местах. Как только колёса самолёта касаются земли, транзитники встают на ноги — никакие уговоры не помогают. Мы в самом конце, а времени у нас меньше часа. По внутренней связи просят запомнить с какой полосы отправляются наши рейсы. Мы облегчённо вздыхаем: приземляемся на 26-ю полосу, а вылетаем с 28-й. Успеем! У выхода из самолёта начинается давка.

Наша радость по поводу близости второго рейса оказалась преждевременной. Сначала нужно пройти все контроли, потом доехать до пересадочного пункта, сделать check-in и только тогда нас отвезут к самолёту... В нашем распоряжении 55 минут!

Аэропорт Дубая, наверное, один из самых больших в мире. Заполнение всех документов и выяснение дальнейшего маршрута по его территории до нужного нам пункта отправления занимает около десяти минут. После чего нас отправляют на микроавтобусе в центральное здание аэропорта. Это занимает ещё 20 минут. После этого — пробежка через запруженные пассажирами многочисленные залы duty-free, какие-то полу и просто пустые помещения. Мы бежим изо всех сил, таща за собой ручную кладь и пытаюсь не думать о времени. В какой-то момент мы понимаем, что рядом с нами никого нет, что нам вторит лишь звук наших шагов по мраморному полу. Мы в правильном направлении? Вдалеке показалась стойка, а за ней три приветливо улыбающихся служащих. Оказывается, только нас они и ждут. Нас пропускают в ещё один микроавтобус, но он не двигается с места... Молодая пара, с таким же ошалелым взглядом, как видимо и мы, влетает в автобус. Нам осталось около 15 минут. Правда мы тут не одни и это вселяет надежду, что без нас не улетят. Ох, уж эти братства обреченных! Мы едем в обратном направлении, на взлётную

полосу номер 28, ту, что прямо рядом с 26-й, на которую мы приземлились ровно час назад. Поездка занимает пол часа... Нас ждут...

Образы из книги Мерля преследуют меня, бегут за мной по пятам. Задыхаясь от бега, я пытаюсь вспомнить чем закончилась книга. Память преподносит мне совсем не радужные перспективы...

-23-

Возвращение - Одиночество закончившегося материнства

«Мать — это, строго говоря, наименование функции. Когда функция исчерпана, наименование теряет свой смысл; между выросшим ребенком и женщиной, которая именовалась «матерью», складываются новые отношения. При наличии общего языка эти двое видятся постоянно. В противном случае — расстаются. Никто не ждет, что они будут вместе. Быть вместе еще не значит любить друг друга или доверять друг другу.» Олдос Хаксли «Остров»

Брюссель встретил нас снегом и непривычной тишиной... как в волшебной сказке.

Младший сын, ожидавший нас в аэропорту, приготовил к нашему приезду целую трапезу, с запеченным в духовке мясом и хорошим вином. Снег, белым ковром покрывающий сад за окном, встреча с родным домом, накрытый с любовью стол – всё это согревало душу, убаюкивало.

— Можно я не буду мыть посуду? – голос сына возвращает меня к реальности. Он убрал к нашему приезду дом, привёз нас из аэропорта, приготовил еду по самому высшему разряду...какой может быть вопрос?

— Конечно, родной, оставь все как есть. Спасибо тебе!

— Я так рада, что вы уже дома – голос дочки из Англии – Я никогда так не

волновалась за вас, как в этот раз... Как будто вы не родители мои, а дети, уехавшие в дальние страны. Мама, правда, это так страшно. Я несколько ночей не могла уснуть, думала о вас, о тебе...

— С приездом! Как я вам завидую, по-хорошему... — это уже моя мама.

Я засыпаю днём и бодрствую по ночам, бесцельно брожу по дому, по саду, ищу знакомые черты, приметы. Я и здесь, и там... С темнотой мне вдруг хочется петь, а на рассвете всё вокруг освещается волшебным светом, изменяя знакомую реальность.

Я — переполненный сосуд, подвешенный между временными полюсами. Не расплескать. Не потерять. Не забыть...

«Малыш!» — зову я во сне. «Малыш» — с недоумением произношу я, просыпаясь. Утром всегда чувствуешь себя незащищённой, ранимой. Навязчивая мысль-прозрение, открывшееся мне в последнем перелёте, грозит захлестнуть, потопить. Неужели это всё, что останется мне от этой поездки?

Постепенно день и ночь возвращаются на круги свои, волшебный свет блекнет, привычные будни всё настойчивей заявляют о своих правах и лишь тогда, я сажусь за свой стол и отправляюсь в новое путешествие...

Вот уже полгода, как я петляю по закоулкам и тропам моей памяти. Вспоминаю каждый день из тех двух недель, перечитываю книги, вглядываюсь в фотографии... пишу... Я знаю конец истории. Он неизменен. Мне остаётся только воссоздать и соединить всё увиденное, пережитое, прочувствованное, сплести тончайшую паутину событий и смыслов. Брахма — творец всего сущего в древнеиндийской традиции — ткёт из паутины мир, защищая, спасая и охраняя очаг, но... его ассоциируют с жестокостью, коварством. Конец истории жесток...

*****

Последний перелёт. Всё не редкость обыденно, чинно и солидно. Нас действительно ждали, наши места свободны, нам приветливо улыбаются бортпроводники, улыбкой, в которой нет ничего личного, обслуживание безупречно. Этот рейс с честью подтверждает добрую славу авиакомпании Объединённых эмиратов.

Немного придя в себя после сумасшедшего бега, после навязчивых предчувствий и опасений, я наслаждаюсь комфортом и покоем, просматриваю рекламы предлагаемых фильмов. Выбор здесь

невероятный, на всех языках мира, включая русский. Реклама одного фильма все время попадает мне на глаза. Афиша отталкивает и притягивает одновременно: фарфоровое лицо мадонны, обезображенное трещиной, растерянный, страдающий взгляд, покорность – слишком явно, пафосно... китч. Название, написанное с маленькой буквы и восклицательным знаком в конце «мама!» — наверняка слезливая, сентиментальная мелодрама, вот только аннотация на редкость не соответствует впечатлению от образа, и именно это заставляет меня сделать выбор.

Двуспальная кровать, на краю которой одиноко спит молодая женщина. «Малыш!» – зовёт она проснувшись. Обеспокоенная, ищет его по всему дому, открывает входную дверь, стоит у порога, вглядываясь в мир снаружи: Малыш! Он появляется неожиданно, сзади... не ребёнок – крупный мужчина, явно старше её, рядом с которым она кажется совсем юной и беззащитной. – Ты напугал меня – говорит она, улыбаясь... Фильм запутывает, смешивает жанры, отвлекает внимание, уводит в сторону.

Кто живет в этом доме? Доме, в котором всё, до самых мельчайших подробностей, задумано, продумано и создано руками этой юной женщины. Создано для Него, единственного, который непременно должен преуспеть, состояться, прославиться. С каким терпением наблюдает она за процессом Его становления, какой любовью наполнены её глаза... Чем я могу быть тебе полезна? Только скажи... Только будь! Молодая пара? Маститый писатель и его молодая жена-поклонница? Его Муза? Она в трудах, Он в себе... В этих отношениях нет страсти, влечения, они и не спят вместе. Она создаёт для них Дом, а Он...

В доме, и правда, появляются незваные гости, как написано в аннотации. Незваные и нежеланные для неё, восторг и влечение — для него. Прямо здесь и сейчас он готов приютить их в её Доме, окружить заботой, вниманием, отправиться с ними хоть на край света... Для неё они помеха, захватчики, разрушители. Они варварски разрушают всё созданное ею: дом, гармонию отношений, привычное распределение ролей. Она – заложница созданного ею Дома, пытается уберечь его, сохранить. Он, замороженный новым миром за порогом дома, слеп и глух к её призывам и мольбам. Душа-человек к пришельцам, готовый на подвиги и поступки ради них, он оставляет её в полном одиночестве. Он ещё отдаёт ей должное, покровительственно отмечая, что всё в этом доме создано ею, что благодаря ей он жив и способен творить, но это больше для смирения её нрава, а непрошеными гостям до этого нет никакого дела... Несмотря

на все её запреты и просьбы, они стремятся уничтожить именно сердце этого дома – Святая-Святых, бережно хранимую в главной комнате дома – кабинете... Сына. Я не оговорила... С какого-то момента, лично для меня, эти отношения становятся очевидными, само собой разумеющимися. С какого момента?

Обогащённый новыми впечатлениями, опытом общения с чужаками, переполненный энергией мира вне, Он приносит ей своё, наконец-то, созданное творение, то, ради рождения которого она создавала этот мир. Ей первой! Её труды не пропали даром — Он состоялся! Она всегда знала, как он талантлив! Все горести позабыты, это её триумф – только Он и Она! — Да, да, ты права! Моя редактор тоже сказала, что это гениально! Выражение её лица, боль, разочарование...

— Она уже успела прочесть? – только и спрашивает юная женщина, мать сына, который уже никогда больше не будет принадлежать ей безраздельно.

И опять дом наполняется чужими людьми, восхищающимися Им, пренебрегающими Ею, её трудами, её детищем – их Домом. Всё опять разрушено, разбито, растерзано. Ей нет места в этом доме, её Доме. Она лишняя...

Дни сменяются днями и Дом, приходящий в себя, под Её умелыми руками, опять приобретает свой уют, и покой, и гармонию. Он и Она – эти двое опять одни, опять вместе. Кто они?

В одно прекрасное утро Она озаряется особым светом: будет ребёнок. Младенец появляется на свет, несмотря на повторяющийся вандализм, разрушения, одиночество. Кажется, вот оно мгновение единения, восторга, счастья. Но кто этот мужчина, в нетерпеливом ожидании сидящий перед ней? Что ему нужно от неё? В его взгляде нет отцовского умиления, нет любви, есть непреодолимое желание — отобрать. Отобрать у неё, любой ценой. Зачем ему непременно нужен этот ребёнок? Он и этот младенец – едины. Только на время дано ей обладать этой новорожденной жизнью. Не спать, не упустить, уберечь любой ценой... Тщетно! Тот, кого она самоотверженно оберегает сейчас, прижимая к своему сердцу будет уничтожен, отдан на поругание, тем, кем он станет в скором времени... сидящим напротив.

— Что ты сделал с моим Сыном? – кричит в ужасе женщина, обращаясь к своему... Сыну.

Её горю, отчаянию нет предела. Изувеченная, обгоревшая, падает Она на руины своего Дома.

— Мне больше нечего тебе дать – извиняется она перед Ним в свой последний миг, но...
— Есть! – властно отвечает ей Он, раздирая её плоть голыми руками и вытаскивая главное, Святое-Святых, её Любовь – основу и залог его успеха. Двухспальная кровать, на краю которой одиноко спит молодая женщина. «Малыш!» – зовёт она проснувшись.
Бесконечно повторяющаяся история, вечная как мир, неизбежная как судьба.
Подготовить, создать, выносить, выпестовать целый мир и уйти в сторону, в небытие...

«Мать — это, строго говоря, наименование функции. Когда функция исчерпана, наименование теряет свой смысл»

Конец фильма.

Заключительный аккорд всего путешествия — странствия, начавшегося много раньше...

Как привычно звучит «прощание с детством», но как страшно, кощунственно – «прощание с закончившимся материнством». Знаю, мне возразят: период детства уходит, но мы остаёмся, а матери и дети – это навсегда, несмотря ни на что. Нам привычно так думать, но так ли это? Так и вижу беременную женщину, заключённую в младенце. Она в нем, а не привычное наоборот. Как в фильме, ей не дано переступить порог, созданного ею дома. Ребёнок должен уйти, чтобы стать взрослым. Он может уйти, неся её в себе или исторгнув из себя, но пока он не повзрослеет, она остаётся его заложницей. Только тогда наименование имеет свой смысл. Я не держусь за смысл. Я всегда за свободу, но почему так мучительно больно, так щемит от тоски и сожаления?

Помните, как у Вознесенского:

*Матери сиротеют.
Дети их покидают.
Ты мой ребенок,
мама,
брошенный мой ребенок.*

Послесловие

— Знаешь, — говорю я нашему младшему – нам никогда не было так

хорошо друг с другом, мне и папе, как в последние годы.

— Это всё из-за нас – не задумываясь, отвечает он.

— Какая связь? – недоумеваю я.

— Прямая: мы выросли, стали на ноги, уехали из дома и вам ничего не оставалось, как заняться друг другом. Появилось время для себя!

— Странно, я никогда так не думала...

— Согласись, дети — это большая головная боль! – уверенно провозглашает мой юный философ и мы оба смеёмся в голос.

***

Дочка с мужем устроили мне ещё одно празднование юбилея: купили билеты в Лондон, заказали ресторан и повели на балет. Я делюсь с ними впечатлениями от поездки, мы смеёмся по поводу того письма-розыгрыша, и я сетую на то, что старший так ни разу и не спросил, как у нас дела.

— Мама, это всё не так – говорит мне дочка. – Он звонил, писал и волновался. Только звонил не вам, а мне...